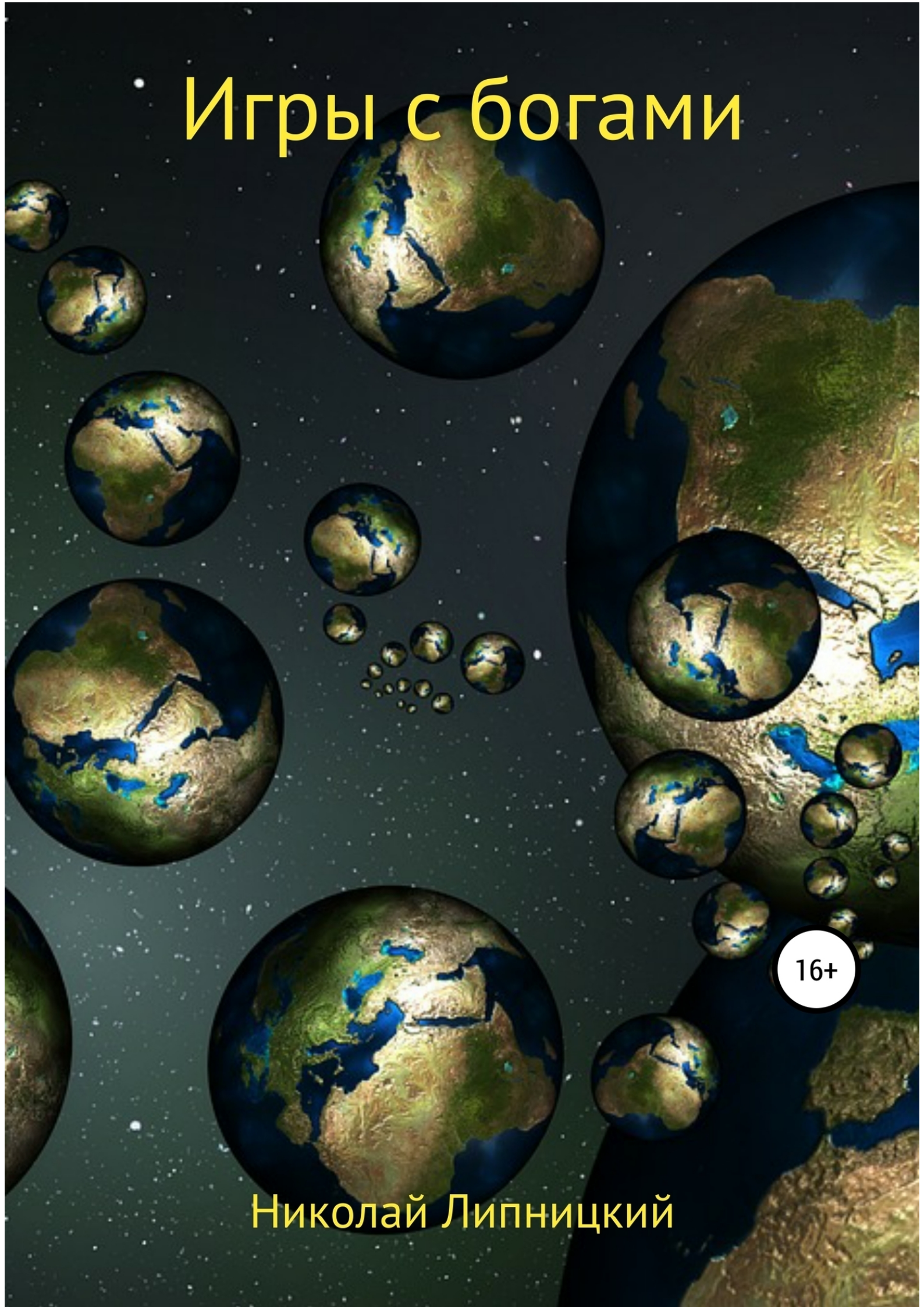

Игры с богами

16+

Николай Липницкий

Николай Липницкий

Игры с богами

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Липницкий Н. И.

Игры с богами / Н. И. Липницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Главный герой Вячеслав и предположить не мог, что, согласившись сопровождать своих друзей на Алтай, узнает о себе много нового, да ещё и окажется втянут в сложную и опасную игру богов.

© Липницкий Н. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Первые шаги.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Первые шаги.

Пивнушка совсем не тянула на громкое название «Пивбар «Гамбринус», но, как, ни странно, называлась именно так. Представляю, что стало бы с коренным одесситом, зайти он, однажды, в это питейное заведение. Точно, пришлось бы откачивать с применением крепких спиртных напитков. Я выбрал на столе место, более-менее, свободное от рыбных очистков и поставил кружку на липкую клеенку. Амбрэ, конечно, стоял ещё тот. А с улицы зайти, так запах прокисшего пива, солёной и вяленой рыбы, варёных яиц и табачного дыма способен был сбить с ног. Но, жажда отведать пенного напитка пересиливала.

Делался шаг, другой, в тумане табачного дыма находился свободный столик, потом, вид манящей полной кружки с пышной шапкой пены привлекал внимание и отвлекал от неудобств и прочих раздражителей, и хотелось, чтобы быстрее предстала перед тобой дородная тётка с избытком, потёкшего от пота, безвкусного макияжа, полным ртом золотых зубов и грязным, засаленным фартуком на необъятной талии. Запах, уже, не казался таким ужасным, а, после всех этих трудностей, всего одна кружка пива была бы верхом легкомыслия. Нет, тут не одна, а, минимум, две. А, если, вдруг, столкнёшься с хорошим знакомым, так и три и четыре пойдут за милую душу. Иногда ещё и под водочку.

Вот и сейчас, из пелены табачного дыма выныривает Игорёха, мой бывший одноклассник, давний друг и просто хороший парень. В своё время нам пришлось расстаться. Он – на истфак поступил в универ, а я в армию укатил. А там, Северный Кавказ, потом сверхсрочная, опять Кавказ, ранение, комиссация, инвалидность и работа сторожа на макаронной фабрике. Маловато, конечно, по зарплате, но, мне одному хватает. К разносолам я непривычен, а, доставшаяся от бабушки, однушка, вполне решала проблемы с жильём. А то, никаких боевых не хватит, чтобы жильё купить. Разве, что какую развалюху в дачном посёлке. С родителями жить – тоже не вариант. Не маленький уже, чтобы по подъездам обжиматься, да, перебрав спиртного, тайком домой возвращаться. Если бы не скончавшаяся бабушка, куковать бы мне на продавленной койке в общежитии, пока на пенсию не выйду, или квартиру снимать, отдавая половину зарплаты.

За это время Игорёха успел отучиться, что-то там защитит и стать достаточно известным в узких кругах историком. Причём, не кабинетным сухарём, а практиком, не вылезавшим из экспедиций. Вот, между двумя из них мы и встретились в очереди на кассу в супермаркете, и старая детская дружба возобновилась. Улыбаясь щербатым ртом, Игорёха достал из внутреннего кармана брезентовой штормовки бутылку водки, завёрнутую в газету, и победно потряс ею над головой. Ну, да. Сегодня он хотел со мной о чём-то поговорить, а серьёзные разговоры без бутылки никак не разговариваются.

– Во! – жизнерадостно провозгласил друг. – «Финляндия»!

– Мог бы и «Московскую» взять. Она дешевле.

– Ничего! Не пообедем! Сейчас Лёха ещё подойдёт. Классический тройничок получится.

– Что за Лёха?

– Мой коллега, – он заглянул в свою пустую кружку. – А, где пиво? Почему ещё не принесли?

– Вон, тащит. Сегодня народу много.

Бар, на самом деле, был полон до отказа. Как, только, нам повезло столик отхватить? Зарплата у людей сегодня, наверное. Нам, по крайней мере, давали. Между столиками, протискивалась грудастая тётка в фартуке не первой свежести, мягко говоря, удерживая в толстых, словно окорока, руках сразу по четыре кружки. Похоже, количество народу в пивнушке её совершенно не смущало. Несмотря на комплекцию, она двигалась достаточно грациозно, ловко обходя препятствия. Временами, однако, кое-кого, задевала, но делала это, скорее намеренно.

Иначе, как объяснить, что доставалось только самым активным или самым шумным. Двинув объёмистым бедром слишком вольготно развалившегося на стуле пьяньего мужичка, она приблизилась к нашему столику и бухнула на стол три кружки. Из-за её монументального плеча выглянул высокий крепкий парень лет двадцати пяти в растянутом сером свитере грубой вязки с недельной щетиной на лице и, не рискнув её обойти, дождался, когда тётка удалится и, только, после этого, занял место за столиком.

– О! – шлёпнул парня по протянутой ладони Игорёха. – Познакомьтесь: это Лёха, а это Славик. Все в сборе! Можно начинать!

– погоди, – остановил его Алексей. – Накатить надо по первой за знакомство.

– Блин! – спохватился я. – Надо было стопочки попросить. И, что там у них перехватить на закуску можно?

– Не надо, – не согласился Лёха. – У меня всё с собой.

Парень поставил на колени свою спортивную сумку и, жестом фокусника, извлёк из неё три походные стопки нержавеющей стали, завёрнутый в промасленную газету шматок сала и великолепный восточный пчак ручной работы в кожаных ножнах с рукояткой из кости.

– Не боишься такой нож с собой таскать? – хмыкнул я, наблюдая за тем, как Лёха, развернув сало, принялся ловко его нарезать тонкими ломтиками. – Холодное оружие, как-никак. Загребут, ещё. Начнут статью шить.

– Сувенирное изделие, – отмахнулся Алексей. – Даже справка имеется. Специально её таскаю. А, про хлеб не подумали?

– Сейчас возьму, – Игорёха поднялся, быстро подскочил к стойке бара и притащил оттуда стандартно нарезанный серый хлеб на пластиковой одноразовой тарелке. – Ну, вроде, всё. Стол накрыт. Славик, что с рукой?

– А что с ней? – я удивлённо посмотрел поочерёдно на правую и левую кисть. – Всё в порядке.

– А, почему, тогда, ещё не налито?

– Ах, да! – я спохватился и, свернув с треском пробку, принялся разливать по рюмкам.

Первая, как водится, пошла за знакомство. Вторая – за здоровье, а с третьей Игорёха решил погодить.

– Вот, теперь, настало время поговорить о делах, – прикрыв стопку рукой, чтобы я не налил, проговорил он.

– Ну, давай поговорим, – отставил я бутылку в сторону. – Пиво-то можно?

– Пиво можно.

Ну, хоть, пиво можно. Я поднёс кружку к губам и сделал глоток. Живительная влага пронеслась по пищеводу, вызвав у меня на лице блаженную улыбку.

– Славик, – Игорёха сделался непривычно серьёзным. – Тебе не надоело сидеть на макаронной фабрике? Ну, что за профессия – сторож?

– Все профессии нужны, все профессии важны, – процитировал я классика.

– А, если, серьёзно? Ты, здоровый бугай, сидишь себе ночи напролёт в сторожке с наганом дореволюционных времён, как пенсионер занюханный.

– С наганом бабушки при Союзе на вахте сидели. А у меня газовый «Чезет».

– Не в этом суть. Неужели тебя устраивает такая крохотная зарплата?

– Что ты хочешь? Попробуй, устройся! С моей третьей группой инвалидности никуда больше не берут. А, если узнают, что я ветеран, вообще шарахаются, как от чумного.

– И, в чём же твоя инвалидность заключается?

– Ну, ты же знаешь! Прихрамываю немного, да заикаюсь, когда сильно волнуюсь.

– И, как же тебе третью группу дали?

– Ну, на тот момент я действительно был развалюхой. Контузия, всё-таки, тяжелейшей была. Да и ногу зацепило неслабо. Восстановиться я, конечно, восстановился, но инвалидность осталась.

– С тобой всё ясно. Я хочу предложить тебе работу.

– Какую? Диссертации за тебя писать?

– Ну, с этим, я, как-нибудь, сам справлюсь получше тебя. Ты в отпуске, когда был в последний раз?

– Года два назад. Мне отпуск ни к чему. Ни Сочи, ни Ялта мне не по карману, про Турцию с Египтом, вообще, молчу, а при своём графике сутки через двое, я на второй день дома волком вою.

– Ты можешь оформить отпуск сейчас?

– Могу. А, что за работа?

– Работа, пока, разовая. Но, потом, если всё пройдёт хорошо, я смогу добиться включения тебя в основной штат.

– Ты не тяни, говори, что за работа.

– Мы с Лёхой собрались в экспедицию.

– Удивил! Да ты, только, с одной приезжаешь, сразу в другую уматываешь!

– Это – особенная экспедиция. Никакой группы не будет. Будем только мы с Лёхой, ну и ты, как наша служба безопасности. Ты же в десанте служил?

– В ВДВ, – уточнил я. – Но это, когда было!

– Навыки-то остались.

– Игорян, ни за что не поверю, что у вас в штате нет подготовленных ребят, способных обеспечить безопасность экспедиции.

– Есть. Но, эта экспедиция – особенная. Поэтому, никого лишнего мы не берём. С нами должен быть только проверенный и надёжный человек. А такого я знаю только одного. Это ты.

– А я целиком доверяю Игорю, – согласно кивнул головой Алексей.

– Спасибо, конечно, за доверие. Но, может быть, ты, всё-таки, расскажешь, что это за такая сверхважная экспедиция? Я, конечно, тебе доверяю, но кот в мешке не покупаю даже у друзей детства.

– Понимаешь, – понизил Игорян голос. – Во время последней моей поездки по Алтайскому краю, я, совершенно случайно, наткнулся на свидетельство об уникальном артефакте.

– Какой-нибудь клык медвежий, или тюлень, вырезанный из моржовой кости?

– Нет. В Алтайском крае, кстати, моржи не водятся, как и тюлени.

– А что там водится?

– Неважно. Так, вот, я изучал мифологию алтайцев. А, конкретнее, изучал верования местного коренного населения. У них в мифологии есть три верховных небожителя, или демиурга: Юч-Курбустан, Ульгень и Бурхан. Из них меня больше интересовал Ульгень, который является верховным божеством в шаманизме не только алтайцев, но и хакасов и шорцев.

– Подожди, – остановил я поток слов друга. – Давай выпьем, а то мозги не варят от всех твоих Агленей.

– Ульгень, – автоматически поправил меня Игорёха. – Наливай.

Мы махнули по одной, молча занюхали хлебушком и закусили. Сало, кстати, оказалось очень, даже, неплохим и под водочку пошло за милую душу.

– Ты, что, решил этих богов живьём найти?

– Нет. Мы, тогда, ездили по Алтаю, собирали легенды, наткнулись, даже, на городище, не представляющее, впрочем, интереса для моей темы, и, наконец, в одной из деревень услышали про древнего кама, шамана по алтайски, который живёт, якобы, не одну сотню лет.

– Что, реально такой старый? – я, даже, о пиве забыл.

– Нет, конечно. Кто же в двадцать первом веке в такие сказки верит? Обычный старик лет семидесяти. Правда, по виду его можно и сто лет и шестьдесят дать. Я им, тогда, сильно заинтересовался, ну и уговорил местных жителей меня к нему отвести. Как я тогда этого кама обхаживал, отдельный разговор. Он, ведь, вообще не захотел, вначале, меня видеть. На местных ругался, что меня привели. Пришлось поселиться в шалаше недалеко от его избушки. Два дня жил там, комаров кормил и ему глаза мозолил. Благо, лето было. Но, скажу я тебе, лето на Алтае тоже не сахар.

– Уговорил?

– Уговорил.

– И, стоило того?

– Стоило. Много он мне чего нового про Ульгения сказывал, а, в заключении, рассказал, что есть небольшое поселение, жители которого не просто поклоняются, а, вообще, считают себя прямыми его потомками и хранителями.

– Ну, я тоже могу себя объявить хранителем чупакабры, например. И, что? Кругом образованные люди. Кто же мне поверит? Хотя, дураков полно ещё. Не всех жизнь учит.

– У них есть артефакт, который в их понимании является воплощением Ульгения на земле. Вот его-то они и хранят. А сам Ульгень живёт на девятом, а то и на четырнадцатом или пятнадцатом слое неба, восседая на золотом престоле за золотыми воротами.

Короче, мозги мне Игорь запудрил основательно. Чтобы окончательно не запутаться, я инициировал ещё один тост, потом мы повторили по кружке пива, и выпили ещё раз по стопке. А Игорян всё рассказывал и рассказывал. Похоже, оседлал любимого конька. Временами его дополнял Лёша, который, тоже, оказался, весьма, сведущим в этой теме. Из всего сказанного я понял, что, даже, одно упоминание об этом поселении – уже новость из разряда сенсаций. А, про артефакт, который они хранят, вообще никто никогда не слышал. Как он выглядит, и то, никто не знает. Даже, шаман этот.

– То есть, ты хочешь прийти туда и забрать этот артефакт? – подытожил я речь друга.

– Ну, это поселение ещё найти надо, – поскущел Игорян. – Мне кам только приблизительно смог рассказать, где искать. На каком-то озере. Не так-то это просто, по алтайской тайге лазить. Там тайга сплошная, да горы, лесом поросшие. И, потом, мы не можем приехать и потребовать, отдайте, мол, артефакт, он теперь не ваш.

– Ну, да, – хмыкнул я. – Тем более, что они, если хранители, значит, фанатики редкостные. Порвут на мелкие кусочки.

– В любом случае, если мы найдём поселение, нам нужно постараться расположить к себе местных жителей.

– Бусами?

– Что?

– Бусами? Как испанцы индейцев покупали? Бусами и зеркальцами?

– Да, хоть чем! Наша задача получить доступ к артефакту, зарисовать его, описать, а, если можно, то сфотографировать, и всё.

– И всё?! Ради этого переть по алтайским лесам, кормить комаров и устраивать пляски перед аборигенами?

– Ты не понимаешь, что этот артефакт может быть уникальным. Если я правильно понял, то он – это только часть чего-то большого, растянутого во времени.

– Вот тут ты меня вообще запутал. Наливай.

Игорь потянулся, взял бутылку, стоящую возле моего локтя, и разлил по рюмкам. Накатили, закусили, и я опять уставился на Игоря.

– Как может что-то физическое быть растянутым по времени? Наша пьянка, понимаю, растянута. Но, это событие, а не физическое тело.

– Ты меньше на пиво налегай, а то сам физическим телом станешь. А артефакт тем и уникален, что существует одновременно, в прошлом, настоящем и будущем.

– Вот эта бутылка тоже была вчера, сейчас, вот, стоит, и завтра будет существовать, если никто её не разобьёт.

– Вот, видишь! Вчера она была полной, сейчас – полупустая, завтра, вообще, может быть только кучей осколков. А, если я на том артефакте сделаю царапину, она появится одновременно во всех временах.

– Что за бред!

– Ты знаешь, я, тоже, так подумал вначале. Да и Лёха долго не верил. Но, легенда, которую мне рассказал шаман, прямо указывает именно на это свойство артефакта.

– Да, – кивнул головой Алексей и принялся старательно укладывать ломтик сала на кусочек хлеба.

– Так, что за легенда?

– Ну, легенда довольно интересная. Вначале, всё, как всегда. При помощи Священной Белой Матери [Ак-Эне](#) Ульгень сотворил не только землю, небо, солнце, луну, радугу, гром, огонь, но и создал первого человека, кости которого были сделаны из камыша, а тело из глины. Он сотворил собаку [Ийт](#) и велел ей сторожить первого человека. Он же сотворил богатырей [Майдере](#) и [Мангдышире](#). Сотворил камни, деревья, посадил цветы. Он творец головы и пуповины у людей и скота, творец пастбищ и человеческих жилищ. Перед потопом он поручил Наме построить плот и велел посадить всех зверей и птиц. Ульгень создал [камов](#) для защиты от [Эрлика](#), он же награждает людей даром [шаманства](#), определяет быть человеку шаманом или нет, и назначает будущему шаману духов-помощников, указывает, каким должен быть бубен ([тунур](#)). А, дальше, уже пошли разночтения. По основной версии внешность Ульгенья не изображалась, или изображалась очень условно, в виде человекоподобной фигуры, голова которой излучает сияние. В мифах упоминается о семи или девяти сыновьях и дочерях Ульгенья, но не говорится о женах. Его дети не родились, а откололись от отца. А по этой легенде Ульгень высокое белокурое существо с круглой головой, увенчанной семью отростками и одним большим глазом на всё лицо. Тело его целиком состоит из серебра, а его жезл способен извергать пламя. И он, как ушёл когда-то на своё небо, так больше и не спускался. А, когда говорят о хранителях, то разговор идёт не о самом боге, а, именно, об артефакте, который когда-то был един, а потом разделился на девять частей, которые были нанизаны на нитку времени, протянутой от пращуров к потомкам, в девяти разных, но очень важных, местах. Смекаешь, о чём я?

– Не очень.

– Артефакт, одновременно существующий в девяти временных точках. И эти точки были выбраны не случайно, а, являются своеобразными узловыми моментами в развитии человеческой цивилизации.

– То есть, если один из артефактов существует одновременно с нами, то мы тоже сейчас живём в узловом моменте?

– Да. Только не один из артефактов, а одна из проекций. Вообще, я думаю, что все девять штук – это проекции, а сам артефакт находится в одной вневременной точке.

– Ничего не понял. Для меня это – абракадабра. А человекоподобная фигура, а сияние?

– Ну, артефакт вполне может быть выполнен в виде человекоподобной фигуры. Ну, или, сказалось отождествление с самим Ульгением. А сияние может излучать он сам.

– Радиация, что ли?

– Радиоактивное излучение невидимо. Скорее, флюоресценция. Или, что-то другое. Я же говорю, что артефакт необычный.

За неделю мне удалось сделать многое. Во-первых, я выдержал серьёзный бой с начальником охраны, потом поругался в отделе кадров, отпуск так и не получил, зато написал заяв-

ление об увольнении, отметился скандалом в бухгалтерии и, наконец, уволился подчистую и получил выходное пособие вместе с расчётом. Потом, сходил и устроился в НИИ на временную должность сотрудника экспедиции с функцией охранника, оформил быстро, благодаря институту, лицензию на нарезное оружие, получил во временное пользование карабин Симонова (СКС) и, наконец, занялся экипировкой. Хотя, последний пункт сборов был самым лёгким. Старенький камуфляж был ещё вполне, себе, сносным, как и берцы и бушлат. Хорошо порывшись на антресолях, я отыскал свой боевой ранец РД-54, в котором так и дожидались своего часа котелок, фляжка, кружка и алюминиевая ложка.

В холодильнике завалилось несколько банок консервов, но Игорёха сказал, что это не понадобится. Сухим пайком на первое время нас институт обеспечит, а, потом, будем закупаться у местного населения. Да и по пути охота прокормит. Ну, не надо, так, не надо. Я закинул консервы назад в холодильник с лёгким сердцем. Будет, чем перекусить, когда из экспедиции вернусь. А то, появится у меня возможность в магазин сразу бежать, или нет? Я же не знаю, во сколько домой вернусь. Позвонил Игорян и сообщил, что поезд отходит утром в восемь тридцать. Договорились встретиться на стоянке машин у привокзальной площади. С лёгким сердцем я ещё раз перебрал укладку РД, проверил, как приторочен к нему бушлат, в который уже раз почистил СКС и, наконец, завалился спать. Обычно, мне нужно с полчаса поворочаться, подумать о чём-то, день прошедший проанализировать, да и, просто, помечтать. А тут, уснул, как только голова коснулась подушки.

Нога поехала на сыпучке, и я грохнулся на пятую точку, зашипев от боли в ушибленном копчике. Приклад автомата звякнул о камни, заставив всех вздрогнуть. Старлей Витёк, командир взвода, обернулся и, сквозь зубы, выругался вполголоса. Я кивнул головой, виноват, мол, и поднялся на ноги. Действительно, шмякнулся на тропе, словно пацан-первогодок. Даже стыдно. Сверху с шуршанием покатались камни. Витёк опять зло обернулся, но я развёл руками, всем своим видом показывая, что, на этот раз, совершенно не причём. Догадка обдала, словно кипятком, обоих одновременно. Мы подняли головы и увидели мелькнувшую наверху тень. Кто-то закричал на чеченском, и очередные потоки мелких камней посыпались вниз.

Взвод рассыпался по склону, наверное, раньше, чем прозвучала команда «К бою». Сухо щёлкнул первый выстрел, потом загрела автоматная очередь, пули прошлись неровной строчкой по тропе, выискивая зазевавшиеся жертвы, и вспыхнула перестрелка. Витёк глянул на меня и кивнул головой. Будто я сам не понимаю, что оставаться на месте смерти подобно, как и отходить. Тут, только вперёд. Подпрыгивая на склоне, скатилась граната, и пришлось нырять за крупные валуны, не иначе, самим Богом, уложенные тут для моего спасения. Грохнуло знатно, аж в голове загудело.

Переждав шрапнель мелкой щебёнки, хлестнувшей по моему укрытию, я рванул вперёд. По тропе подниматься нельзя, она под прицелом у чехов, поэтому я взял левее, горным козлом преодолел в несколько прыжков метра три подъёма, и затаился под небольшим карнизом. Парни внизу отчаянно отстреливались, но позиции были невыгодными, и сразу было видно, что долго они не продержатся. Похоже, у них надежда на меня только. Тем более, что я, как-то, выпал из внимания чехов.

Руками зацепился за скальный выступ, подтянулся и вылез на карниз. А тут неплохо! Обзор хороший и позиция отличная. Я высунулся из-за каменной гряды и короткой очередью снял боевика, удерживающего тропу. Всё, ребята, ваш выход, потому что мне, внезапно, стало совсем не до веселья. Автоматные очереди стегали по камням, жёсткой крошкой оцарапало щёку, а уши заложило от визга рикошетов. Я сорвал чеку и бросил гранату на звуки гортанных голосов. Блин! Думал, что взрыв их успокоит как-то, но не тут-то было. Криков стало больше, как и стрельбы, ко мне прилетела парочка эфок на сдачу, благо, они скатились по склону и, подпрыгнув на камнях, разорвались где-то внизу. Спасибо, конечно, товарищи чехи, но не стоило так тратить.

Мельком оглянувшись, я увидел, как парни карабкаются по тропе. Быстрее бы, а то мне уже жарко стало. Опять высунувшись из-за камней, я ойкнул и, присев, сжался в комочек. Бородатый боевик, как раз, навёл на мою позицию «Муху» и мне осталось только молиться. Это в кино главный герой метко стреляет в последний момент, и враг, переломившись в поясице, выпускает гранату в небо. На деле так не бывает. Над головой взорвалось, и по каске стукнул увесистый булыжник. Что там наши? Ага! Духам не до меня, теперь! Поднялись, Санька с Илюхой уже в бой вступили, остальные подтягиваются. Вон, Витёк выскочил наверх и тут же схватил очередь в грудь. Витёк! Не помня себя, я подтянулся, вывалился на острые зубцы каменной гряды, перекатился, вскочил на ноги и бросился к старлею.

Уже выныривая из сна, я успел заметить, как из широко открытого в немом крике рта Витька толчками выплёскивается чёрная кровь. Весь в поту я уселся на кровати, борясь с диким нервным ознобом. Давно мне уже этот сон не снился. И, вот, опять. К чему бы это? Неприятностей, вроде, не ожидается. Только поездка с друзьями в горный Алтай. Но, это должно быть, хоть и трудно, но интересно. И, вряд ли, нас там ожидает что-то нехорошее.

Игорёха с Лёхой подъехали к вокзалу на убитом «Жигулёнке» жёлто-коричневого цвета, когда я уже устал ждать и собирался отлучиться к ларьку за бутылкой минералки в дорогу. Они выбрались из машины, открыли багажник и принялись выгружать оттуда свои рюкзаки.

– Славик! – протянул мне руку Игорь. – Давно ждёшь?

– Да, прилично, – пожал я плечами.

– Извини. В институте задержали. Как обычно. Начальство не может отпустить без последних наставлений. Лёха! Что у нас с поездом?

– Уже подали на первую платформу.

– Пошли, тогда. Вагон, какой?

– Четвёртый.

– Пойдёт. В Китае, кстати, четвёрка – несчастливое число.

– Это, как у нас тринадцать? – уточнил я.

– Да.

– Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Почему четыре?

– Ну, четыре, и что? Если бы пять было бы, ты бы тоже так спросил?

– Да. Во всём должен быть смысл. Вот, с числом тринадцать связано много легенд. Например, его называют чёртовой дюжиной. То есть, обычная дюжина, это двенадцать, а чёрту обязательно палку в колесо сунуть надо. Поэтому – на один больше. Или, другой вариант: апостолов вместе с Христом двенадцать было, а с Иудой – опять же, тринадцать. Из-за Иуды предателя! А у четвёрки что?

– Ну, все эти легенды появились уже после того, как тринадцать несчастливым числом обозвали. Просто, натянули, так сказать. А число четыре, как раз, имеет вполне логичное объяснение своей несчастливости.

– Да? И какое же?

– Эта цифра звучит, примерно так же, как слово «смерть». Четыре – Sì, смерть – Sǐwáng. Даже различное написание и тон произношения не смогли уберечь цифру от такой ее печальной участи. Всё очень просто. Вот, кстати, четвёртый вагон.

Хмурый проводник, зевая, проверил наши билеты и кивнул головой. Кажется, это разрешение войти. Мы протиснулись со своими баулами по узкому проходу и ввалились в своё купе. Четвёртого пассажира не было, что нас совсем не огорчило. Толкаясь и мешая друг другу, под стук колёс тронувшегося от станции поезда заправили свои постели, переоделись и, наконец, уселись, глядя на уплывающие назад привокзальные постройки. Ехать до Бийска почти

шестьдесят шесть часов, это почти трое суток, поэтому, мы запаслись книжками, шашками и игральными картами.

Лёха разложил на столе стандартный набор путешественника в виде варёной курицы, яиц, перьев зелёного лука, сала, картошки и водрузил посреди всего этого великолепия бутылку водки. Мы выпили за отъезд, потом за хорошую дорогу, потом за удачу... Короче, этот день прошёл как-то незаметно, зато на утро я проснулся совершенно разбитым и с большой головой. Стоящая под столом батарея пустых бутылок из-под водки и пива напомнила мне, что вечером Лёха ещё пару раз бегал в вагон-ресторан. И, кажется, мы ещё на станциях что-то покупали.

Спрыгнув со своей полки, я зацепил ногой пустые бутылки и звоном стекла разбудил спящих товарищей. Игорёха поднял от подушки свою лохматую после сна голову и, непонимающе, посмотрел на меня.

– Чего гремишь? – прохрипел он, потом посмотрел по сторонам и взглянул в окно. – Что, уже утро?

– Да, – ответил я. – Но это ничего не значит. На работу бежать не надо, ехать ещё двое суток, так что, отдыхай себе, отсыпайся.

– А ты чего не спишь?

– Выспался, что-то. Пойду, умоюсь.

– Ну, иди, умывайся, а я подремлю. Вон, Лёха опять уснул.

Когда они, наконец, решили подняться, я уже успел умыться и сидел за столиком, прихлёбывая чай из стакана в железнодорожном подстаканнике. Кушать не хотелось. Моим спутникам, впрочем, тоже. С кислым видом они похлебали тоже чайку и опять улеглись на свои полки. Раскачались только к обеду, сходили в вагон-ресторан, поели солянки, и, наконец, сели играть в карты.

Поезд умчался дальше, а мы остались на перроне станции Бийск. Стояло раннее утро и мокрые от недавно прошедшего дождя гнутые крыши старого двухэтажного вокзала блестели в лучах встающего солнца. Было свежо, и мы, поёживаясь, к привокзальной площади с асимметрично, относительно главного входа, расположенным сквером.

– Теперь куда? – поинтересовался я.

– А сейчас на автовокзал, – пояснил Игорян и закинул за спину рюкзак.

– На чём?

– На своих двоих, – усмехнулся Лёха. – Тут рядом. Пешком дойдём.

Автовокзал, действительно, оказался рядом. Метров сто прямо через площадь, потом тридцать метров направо, двадцать метров опять прямо, и мы на месте. Стоим, рассматриваем здание, похожее на павильон. С правой стороны от обширного козырька входа зал ожидания с высокими потолками, а с левой – административный двухэтажный корпус. Нам направо. Протиснувшийся между рядами кресел из гнутой фанеры, подошли к стоящим по периметру кассам, и Игорь купил билеты на ближайший автобус до города Горно-Алтайск. У нас оставалось ещё около часа, поэтому Лёха, покрутив головой, уверенно потащил нас в буфет. В принципе, стакан чая и по три пирожка на брата в качестве завтрака даже очень вовремя оказались.

Наконец, объявили посадку на наш рейс, мы вышли на перрон и погрузились в автобус. Междугородний «Ман» зашипел дверью и тронулся с места. Я смотрел через окно, как мы пересекли центр города, проехали по большому и длинному мосту через реку Бия, выехали на окраину и, наконец, выскочили на трассу. Дорога, вначале, шла через лес. Мрачные ряды деревьев угрюмо провожали нас, покачивая ветвями. Неуютный лес какой-то. Меня, даже, озноб пробил. Потом, потянулись поля, населённые пункты, в каждом из которых, автобус останавливался, кто-то выходил, кто-то, наоборот, заходил в салон. Поездка убаюкивала и, когда, наконец, мы доехали до Горно-Алтайска Лёхе пришлось меня будить.

Облупленное здание автовокзала стояло насупленным, словно обиженным за то, что оставили стоять одному под назревающим дождём, который обещали клубившие в небе чёрные, тяжёлые от накопившейся влаги, тучи. Август в этих краях дождливый. Как, наверное, и июль, и июнь. Мы вышли на улицу, и Игорёха сразу направился к одиноко стоящей «Волге» с шашечками такси на боку. Скучающий таксист обрадовался клиентом и с ветерком домчал нас до единственной гостиницы в городе под названием «Алтай». Там нам выделили трёхместный номер, и, было похоже, что кроме нас на этаже больше никого не было.

– Вот, тут переночуем, а завтра дальше поедём, – довольно проговорил Игорян, бросая на кровать вещи. – Приводите себя в порядок, и пойдём в кафешку. Я в душ. Кто со мной?

– А где тут душ? – поинтересовался я, глядя, как Лёха достаёт из своего рюкзака полотенце.

– Туда дальше, в конец коридора. Догоняй.

Не теряя времени, я тоже достал из РД махровое полотешко, купленное ещё в на боевые сразу после комиссации и исправно мне служившее долгие годы, сменное бельё, засунул чехол с карабином под кровать по примеру Игоря и Лёхи, и побежал догонять своих друзей. Душ был обычным. Длинное помещение, отделанное побитым и потрескавшимся местами белым кафелем, с рядами кабинок, разгороженных листами прямого шифера и ржавыми лейками наверху, забитыми известковой накипью. Зато, была горячая вода, поэтому, помылись мы с удовольствием.

Распаренные и довольные, мы быстро оделись и вышли из гостиницы. Игорян и Лёха бывали уже в этом городке, поэтому нам не пришлось плутать в поисках кафе. Большой павильон, который в любом городе Советского Союза называется стекляшкой, гостеприимно распахнул свои двери. Время ещё не обеденное, поэтому народа было мало, но и выбор блюд не радовал. Как нам тут же объяснила на раздаче непререкаемым тоном тощая скуластая тётка с крючковатым носом, нужно брать, что дают, а, если хотим поразнообразнее и посвежее, то рано припёрлись и нужно ждать обеда.

В итоге нам дали по порции вчерашних котлет с гарниром из заветренных макарон. Ну, мы привыкшие. Я – за свою армейскую жизнь, чего только не ел! А Игорёха с Алексеем, тоже в экспедициях не деликатесами питались. Хотя, тут уж, как сказать. Та же красная рыба для нас, городских, невиданная роскошь, а Игорян сам рассказывал, как на Дальнем Востоке смотреть на неё не мог, а на красную икру, и подавно. Говорит, о магазинных пельменях мечтал. Каждую ночь снилась ему раскисшая картонная пачка с изображённой на ней деревянной расписной ложкой, которыми были забиты полки магазинов, и на которые мы искоса поглядывали и покупали только по необходимости. Так, что, поели и пошли гулять по городу.

Смотреть, особо, конечно, не на что. Обычный заштатный городишко, каких, на карте России, превеликое множество. Обязательная в любом городе центральная площадь выставляла напоказ шеренгу необычно пышных голубых елей. Хотя, климат для них тут самый подходящий, поэтому и растут широко и привольно. Стандартный памятник вождю мирового пролетариата, как и везде, стоял спиной к городской администрации и вытянутой рукой показывал путь в светлое будущее. В голове, внезапно возник вопрос: интересно, эти памятники по компасу выставляли, или в каждом городе направление к светлому будущему разное? Здание городского театра выглядело уныло и своим видом совсем не призывало приобщиться к прекрасному, а единственный кинотеатр пытался вызвать интерес к кинематографу ободранной афишей к фильму «Маска». Эту комедию я смотрел, как-то, несколько раз по случаю и на меня она особого впечатления не произвела.

А утром мы уже тряслись по лесной дороге в древнем ПАЗике, дребезжащим всеми частями своего заслуженного механизма и завывающим на каждом подъёме всеми внутренностями чахоточного мотора. Мимо проплывали сосны со стволами, покрытыми бурым лишай-

ником, и моря папоротника, разросшегося в этих местах необычайно густо. Путь наш лежал в село Урлу-Астак – начальную точку нашего маршрута. Там нас ждал охотник, старый знакомый Игорёхи, согласившийся нам помочь. Дальше уже с ним пойдём.

Охотником оказался Адуш, невысокий шуплый алтаец неопределённого возраста, с раскосыми глазами, жиденькой порослью на лице и щербатым ртом в котором не хватало, как минимум, половины зубов. Он жил на краю села в небольшой кривобокой избушке, явно знававшей лучшие времена. Игорян, уверенно игнорируя бесившихся под навесом от такой наглости, лохматых собак, провёл нас к дому и толкнул дверь. Адуш сидел за столом, пил чай и появлению нас в его жилище ничуть не удивился. По-крайней мере, на его обветренном скуластом лице не отобразилось ни одной эмоции, кроме удовольствия от напитка.

– А, Игрят? – кивнул он, словно они расстались только час назад. – С друзьями пришёл? Садитесь, угощайтесь. Я чай только заварил. Кымык!

Из комнаты выглянула женщина, по моим ощущениям, сестра-близнец хозяина. Только без усов и бородки. Она осмотрела помещение своими раскосыми глазами, шмыгнула приплюснутым широким носом и, улыбнувшись таким же щербатым ртом, быстро исчезла за дверями. Пока мы рассаживались за круглым столом на колченогих стульях, на столе появились пиалы, почти такие же, из которых мы пили чай в чайхане Урус-Мартана, сахарница и тарелка с сушками и печеньем вперемежку. Адуш разлил чай и, поочерёдно, каждому из рук в руки, церемонно передал пиалы. Я посмотрел на напиток и потянул носом. Странный чай какой-то. Пахнет так, словно кто-то раздавил веточку туи. Да и цвет у него необычный, золотисто-зеленоватый.

– Ты пей-пей! – заметил моё сомнение охотник. – Это саган-дайля. Хороший чай. От него на душе хорошо становится, и усталость проходит.

Ага, пей-пей. Что-то мне это название не внушает доверие. А то, что на душе хорошо и усталость проходит, тоже не успокаивает. Помнится, в Чечне, Рашид, татарин из рембата на подсолнечном масле жарил семена конопли. Тоже на душе очень хорошо было. Вставило не по детски.

– Ты не бойся, он не ядовит, – засмеялся Игорь. – Саган-дайля – лекарственное растение, обладающее общеукрепляющими и стимулирующими свойствами. Можно, или добавлять в чай, или заваривать отдельно, как сейчас. Заваривают веточки вместе с листиками, потому что в веточках содержат квертицин, которого нет в листочках.

– Что за квертицин?

– Вещество, способствующее ясности мышления. Как-то так. Не бери в голову. Самое главное, что по своим свойствам он превосходит даже женьшень. Так, что, ты пей, не волнуйся.

– Игорёха, – вкрадчиво поинтересовался я. – Ты не забыл, что к науке имею весьма отдалённое отношение? Ты мне проще, как для дубового вояки, поясни: это наркотик?

– Нет. Просто полезный напиток. Пока ты тут выкобениваешься, Лёха, уже вторую пиалку приговаривает.

Я ещё раз понюхал и, наконец, решился сделать первый глоток под ироничным взглядом Адуша. В принципе, неплохо. Непривычно, но отвращения не вызывает. А, после второго или третьего глотка показалось, даже, вкусно.

– Что-то, у тебя, Игрят, друг такой недоверчивый, – усмехнулся охотник.

– Он впервые в ваших краях, – ответил Игорь. – Раньше тут не бывал.

– Что, в горах не был никогда? – даже поставил пиалу на стол Адуш.

– Был, – ответил я, ощущая, как разливается бодрость в теле. – Только не в этих.

– А в каких?

– Южнее, гораздо.

– Кавказ, – дополнил меня Лёха.

– А я переживал, что у тебя опыта горного нет, – успокоено покачал головой алтаец. – Без опыта в горах далеко не уйдёшь. О! Кымык идёт. Сейчас кушать будем.

Действительно, в дверях показалась сестра-близнец с большим круглым подносом парящего и издающего восхитительный аромат, мяса. В животе предательски заурчало, и мозг перестал думать, о чём либо, кроме предстоящего чревоугодия. А по-иному этот процесс было никак не назвать. Именно чревоугодие, а не банальное насыщение организма.

– Марал, – гордо провозгласил Адуш. – Вчера на охоту ходил. Позже суп будет готов. Жена моя хорошо варит. Вкусно. Пальчики оближете.

– Не понял, – наклонился я к Игоряну. – Это не сестра его?

– Кымык? Нет, это его жена.

Странно. А, как похожи-то! Никогда бы не подумал! Или, они тут все на одно лицо?

– Ну, что, за встречу? – охотник, словно маг в седьмом поколении, извлёк бутылку и покрутил её в руках.

– Нет, Адуш, не сегодня, – отрицательно замотал головой Игорёха. – Мы на одной точно не остановимся, а завтра нам с рассветом выходить.

Солнце ещё не встало, когда мы забросили в старенький Уазик свои вещи и, провожаемые вечно улыбающейся Кымык, выехали со двора. С нами в багажнике ехала огромная кавказская овчарка Буран. Этот кобель сейчас устроил свою большую голову на спинке заднего сиденья и сопел мне в ухо, заставляя напрягаться. Всё время казалось, что он сейчас клацнет своими зубищами и откусит мне голову.

– Ты Бурана не бойся, – ворочая рулем, говорил мне Адуш, хитро поглядывая в зеркало заднего вида. – Собака хорошая, умная. Просто так не кусает.

– А не просто так? – для порядка поинтересовался я.

– Не просто так ещё заслужить надо, – засмеялся охотник. – В прошлом годе на двух браконьеров нарвался. Карабин на берегу, а я по колено в воде рыбу себе на ужин гарпунил. И, тут, они. Выходи, говорят, кончать тебя будем. Ну, думаю, конец настал.

– Это, с чего тебя им кончать-то?

– Я же егерю пособляю, помощником у него числюсь. А браконьеров этих не один раз по тайге гонял. И тут – такая удача для них. Я без оружия, а вокруг глухомань.

– Так просто взять и человека убить? – не поверил я. – Избить – понимаю, а убить... Искать же будут.

– У них нравы простые тут, – засмеялся Лёха. – Долго не разговаривают.

– А тайга все следы скроет, – добавил Игорян. – Пропал человек и с концами.

– Верно, – кивнул головой Адуш.

– И, что дальше.

– А ничего. Из кустов Буран вышел, обоих на землю положил и лапами придавил. И, заметь, ни разу не укусил.

– Не заслужили?

– Точно!

– Зверь!

– А ты, как думал? Умная собака. Почти, как человек.

– Почти?

– Да. Он, в отличие от человека никогда не соврёт и не предаст. Он – честный. Если не любит, хвостом вилять не станешь, а, если полезешь, так рыкнет, что волосы на голове встанут. А, если любит – жизнь за тебя отдаст. Видишь, рядом с тобой прилёт. Значит, нравишься ты ему.

– Надеюсь, что не в кулинарном смысле, – пошутил я.

– Он поел перед отъездом, – подхватил мою шутку охотник. – До обеда его можно не опасаться, а там – не знаю. Если вовремя не покормим, может быть всякое.

Шутник. Умом-то я понимаю, что это не дворняга какая-нибудь. Собака охотника без разрешения ничего не сделает. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Страшно мне, и с этим ничего не поделаешь. Я всегда собак боялся. Осторожно, не делая резких движений, я слегка повернул голову и искоса посмотрел на собаку. Буран зевнул, осуждающе посмотрел на меня, словно прочитав мои мысли, с жутким звуком захлопнул свою пасть, клацнув зубами, и, убрав голову, свернулся калачиком на наших вещах в багажнике. Сразу стало спокойнее, даже дремота навалилась.

За окном метнулась чёрная тень, на мгновение закрыв солнце, и сразу повеяло холодом. Я оглянулся на своих спутников, но увидел только застывшие тела с каменными выражениями на лицах. Такое впечатление, что я еду в одной машине с манекенами. И, за рулём, кстати, тоже манекен. Я, даже, испугаться не успел, когда чёрная тень налетела спереди и на секунду закрыла лобовое стекло. По позвоночнику пробежал холодок. Тень пропала, и, тут же, в правом боковом огне появилась огромная круглая чёрная голова с таким же чёрным клювом, заглядывающая в окно большим, круглым, блестящим глазом. Сразу вспомнился Буран, но приподняться и, изогнувшись через спинку сиденья, заглянуть в багажник не получилось. Тело не слушалось.

– Славик! – услышал я, как кто-то трясёт меня за плечо. – Просыпайся! Обедать пора.

Я вздрогнул и открыл глаза. Лёха оставил моё плечо в покое, открыл дверцу со своей стороны и вылез из УАЗика. Игорёха и Адуш уже стояли снаружи, перед капотом и рассматривали довольно живописную поляну с густым кустарником по краю и стеной высоких сосен за ним, ярусами поднимавшихся высоко в горы. Огромный Буран жизнерадостно прыгал вокруг них, старательно прикидываясь глупым щенком.

– Я, что, уснул? – непонимающе огляделся я.

– Дрых, как сурок! – заржал Алексей. – Храпел так, что, даже, Буран перепугался.

– Не может быть!

– Шучу. Ладно, вылезай. Пообедаем и дальше поедem.

Адуш достал из багажника что-то, напоминающее попону, да ещё и отдающую псиной, и расстелил её на траве. Попоны я в жизни никогда не видел, конечно, но, в моём представлении она именно такая. Игорь достал торбочку, которую нам в дорогу уложила Кымык, и принялся раскладывать на развёрнутой газете куски вчерашней варёной оленины и вскрывать ножом две банки кильки в томате. Буран сразу засуетился, сунул поближе морду, схлопотал по носу от хозяина, но не ушёл, а остался, с вождением поглядывая на продукты.

На ближайшей сосне раздалось хриплое «Кра», я вздрогнул и поднял голову. Крупный чёрный ворон покачивался на ветке и внимательно нас рассматривал, то одним, то другим глазом.

– Ты чего так напрягся? – удивился Лёха. – Ворона никогда не видел? Красавец, какой! И крупный!

– Мне сейчас такой же приснился. Только большой. Больше машины. Летал вокруг нас, а потом в кабину заглянул.

– Мало ли что приснится? – Алексей засмеялся и, подобрав палку, собрался зашвырнуть её в птицу.

– Нельзя! – испуганно вскочил Адуш. – Не смей!

– Что такое?

– Это посланец Каракуш-кана, сына Ульгения.

– С чего ты взял? Обыкновенный ворон!

– Нет. Он, сначала, к Сяве в сон залез, узнал, чего мы хотим, а, сейчас, за нами присматривает.

– Глупости.

– Нет, не глупости. Сява, тебе часто вороны снятся?

– Никогда. Да, ещё, такие большие.

– Вот и я говорю!

– Не знаю, – покачал головой я. – Как по мне, так это всё мракобесие. Но, если тебе так удобнее, то пусть это будет посланник.

– Ворон, не только у алтайцев мистическая птица, – пояснил Игорёха. – Во многих культурах он, с одной стороны, является символом греха, а с другой – символом мудрости и долголетия. Ворон, кстати, изображался на династическом гербе Рюриковичей. Это которые были первыми царями древней Руси. А в шаманизме, вообще, является посредником между мирами и стихиями и общается с Подземельем, Землёй и Небом. Короче, птица почтенная.

– Ты, Игря, умный, – уважительно посмотрел на моего друга охотник. – Почти, как кам.

– Почему, почти?

– С миром духов не умеешь говорить.

– Ну, это ещё мы успеем, когда сами духами станем, – усмехнулся Игорян. – А, вот, Славик с духами и при жизни говорил.

– Правда? – раскосые глаза охотника даже больше стали от удивления.

– Да уж, – поморщился я. – Наговорился в своё время. Ничего приятного.

– Конечно! – похоже, Адуш воспринял слова Игоря слишком буквально. – С духами всегда тяжело говорить.

– Это не те духи, – отмахнулся я, удивляясь наивности собеседника. – И, даже не знаю, кто страшнее.

– Слышите вы, мистики! – взвыл Лёха. – Мы кушать будем, или ещё подискутируем на темы мифологии народов мира?

– Будем, – откликнулся Игорь. – Всё. Закруглили разговор.

На природе кушалось хорошо. Аппетит у всех был просто зверский. Мы ели холодное мясо с пышным домашним хлебом, закусывали перьями зелёного лука и дикого чеснока и запивали чаем из термоса. Чай, кстати, был совершенно обычным, на что я обратил внимание.

– Не саган-дайля, – подтвердил охотник. – Саган-дайля нельзя много пить.

– Почему? – честно говоря, я был разочарован, так как напиток мне вчера понравился.

– Слишком сильный энергетик, – пояснил Игорь. – Можно подсесть.

– А, кто-то мне говорил, что это не наркотик.

– Я и сейчас это скажу. Просто, если организм привыкнет к саган-дайля, то без глотка этого чудесного напитка ты будешь ходить сонной курицей. Я же говорю, что это сильнейший энергетик.

– Так, что, пей простой чай и не выступай, – засмеялся Лёха.

Поели быстро, уничтожив все запасы, что уложила нам в дорогу Кымык. Лёха собрал весь мусор, оставшийся после обеда, и зарыл тут же, в небольшой ямке, выкопанной маленькой туристической лопаткой. Игорёха, тем временем отошёл к краю поляны и положил остатки еды под большой сосной.

– Тайгу любить надо и беречь, – пояснил он. – Мусор в земле сгниёт, а объедки зверьё, да птицы подберут.

– А, то, мусор на земле не сгниёт? – скептически хмыкнул я.

– На земле мусор представляет опасность для здешних обитателей. Та же газета. Там используется типографская краска на основе свинца. А пахнет она мясом, потому что мы его в неё заворачивали. А ну, как, какая зверушка съест её из-за вкусного запаха? Или банки консервные. Вон, какие края острые и рваные. А едой оттуда, тоже, пахнет. Ползет рысь, или лисица мордой, да и располосует себе всё.

Адуш ещё сбегал к протекающему неподалёку ручью и принёс полные фляги вкуснейшей родниковой воды. Мы сделали по глоточку, поцокали языками, восхищаясь, и уселись в машину.

В село приехали вечером, когда солнце уже наполовину скрылось за вершинами гор, густо поросших лесом. Единственная улица вела между двумя рядами бревенчатых домов, построенных безыскусно и просто. Во дворах, огороженных дощатыми заборами, зеленели узенькие грядки, робко прижимаясь к домам, а основное место занимали сараи и загоны для скота. Сопровождаемые лаем собак из-под каждой подворотни, мы проехали почти всю улицу, остановившись у предпоследнего дома, довольно большого, да ещё и крытого оцинкованным железом. Из дома выскочил молодой парень, глянул с высоты крыльца своими раскосыми глазами, кто это подъехал, а, потом, радостно улыбнувшись, подбежал и открыл ворота.

– Адуш-таай! Вы в гости? Загоняйте машину, а я эне побегу скажу. Вот она обрадуется!

– А ада где?

– Ада с утра на охоту ушёл. Должен быть скоро.

– Беги, уул, ворота я сам закрою, – охотник хлопнул парня по плечу и повернулся к нам. – Племянник мой. Сын сестры. У неё заночуем и машину оставим. Завтра пешком пойдём.

Пока мы топтались под навесом, наблюдая за тем, как Буран здоровается с таким же лохматым волкодавом, сидевшим в глубине двора на цепи, Адуш загнал машину, закрыл ворота и подошёл к нам.

– Тумуух, – кивнул он в сторону собаки. – Хороший следопыт. Любой след распутает. За это Тумуухом и назвали. Нос, по-вашему. Они с Бураном из одного помёта. Братья. Ладно, пошли в дом.

Дверь распахнулась и на крыльцо выскочила женщина, лицом очень похожая на охотника, но сильно уступающая в этом плане Кымык.

– Агам! – бросилась она к Адушу. – Рада тебя видеть!

– Эзен, сайын, – поздоровался охотник. – У тебя с гостями переночуем.

– Так, чего тут стоишь? Заходи в дом! И гостей своих зови. Как раз к столу приехали! Скоро из леса Мансыр придёт.

– Это моя сестрёнка, Дьилу. А Мансыр – муж её. Пошли.

Мы поднялись на крыльцо и вошли в дом. Разувшись в просторных сенях, прошлёпали в большую комнату, в которой стоял большой, самодельный, дощатый стол, а справа, деля комнату пополам, возвышалась самая настоящая печь, белёная извёсткой. Я огляделся вокруг и хмыкнул. А младшая сестра живёт покруче брата. Сразу видно. И дом побольше, и обстановка побогаче. Вон, ковёр на стене, а на полу настоящая медвежья шкура. Краем глаза, заметив что-то массивное на стене, я обернулся и тут же в испуге отшатнулся, увидев рядом с собой оскаленную медвежью морду. Даже, от неожиданности, не обратил внимания на то, что туловища не было, а она сама выступает из стены.

– Не пугайся, – мягко улыбнулась Дьилу. – Это Айу. Мишка по-вашему. Его Мансыр год назад добыл. Шкуру на пол положили, а голову он на стену повесил.

– Зачем?

– Он этим айу гордится. В одиночку его добыл.

– В одиночку? – судя по обширной шкуре и размеру головы на стене, медведь был в полтора раза больше человека, да и клыки впечатляли.

– Мансыр хороший охотник. Никого нет лучше его.

– Да, – согласился Адуш. – Он хороший охотник. Лучше меня. Садись за стол. Сейчас поедим и в баньку.

– Что, ради нас баню затопили?

– А почему бы и нет? Любому гостю, перво-наперво, еда и баня. Это закон гостеприимства.

– Что ты удивляешься? – проговорил Лёха, усаживаясь на широкую лавку, тянущуюся вдоль стола. – У нас, что ли, не так было в старину. Помнишь, как в сказках? «Ты меня напои, накорми, в баньке попарь, а потом и расспрашивай». Не помнишь?

– Помню.

– Правда, на этот раз баня не совсем для вас, – спустил нас с небес на землю Адуш. – Баня для Мансыра готовилась. Он из леса всегда в баню ходит. Но, тут удачно всё совпало.

Входная дверь хлопнула, и в комнату ввалился крупный мужчина с круглым плоским лицом, такими же, как у Адуша раскосыми глазами и винтовкой в руках. Я не поверил своим глазам. Он держал в руках настоящую винтовку системы Мосина! Раритет страшный. Оружие, конечно, было выдавшим виды, но, всё же, ухоженным.

– Мансыр! – поднялся со своего места наш охотник. – Как охота?

– Адуш! – обрадовался мужчина. – Какими ветрами в наши края?

– К каму Темичи идём.

– А он ждёт вас?

– Нет.

– Тогда бесполезно.

– Я это тоже Игре говорил, но он настоял. Кстати, познакомься, мои гости? Игря, Сява и Лешик. Они учёные.

– Учёные? Интересно, что учёные в нашем медвежьем углу забыли? Хотя, это ваше дело. Значит, надо что-то. Ну, давайте поедим, и в баню.

Поели на скорую руку, точнее, перехватили, чтобы унять голод, потому что Мансыр сказал, что после бани нас ждёт серьёзный ужин. Потом мы всей гурьбой завалились в настоящую баню. Только Мансыр задержался во дворе, разделявая на части принесённую с леса тушку косули, но позже, и он присоединился.

Всю ночь шёл дождь. Он барабанил по крыше сарая, крытого дранкой, что стоял за окном комнаты, где мы расположились. Под лоскутным одеялом было уютно лежать и слушать шум падающих капель, а в открытую форточку врвался влажный свежий ветерок, заставляющий ещё сильнее кутаться. Вспомнилось, почему-то, детство, когда я так же лежал на чердаке у папиной мамы и так же слушал, как барабанит дождь по шиферу крыши. Вчера попарились от души, заодно и поговорили. Мансыр рассказывал про охоту, про тайгу, потом перешёл к шаманам и, постепенно, как-то незаметно, коснулись а шамана, или, по алтайски, кама Темичи.

– Он всё про всех знает, – рассказывал хозяин дома. – Я уверен, что Темичи уже в курсе, что вы идёте к нему.

– Погоди, – не понял Лёха. – Такого же быть не может! Как он может об этом знать? У него, что, рация есть?

– А Темичи рация не нужна. Ему всё звери и птицы рассказывают.

– Точно! – подтвердил Адуш. – Помнишь ворона в лесу? Он тебе в голову во время сна залез и выведал, куда мы направляемся.

– Ты же говорил, что он посланник Каракуш-кана, – хмыкнул Лёха.

– Да, и что? Они все Ульгеню служат. Тут, или сам ворон каму Темичи о вас рассказал, или Каракуш-кан, после того, как ему о вас ворон поведал.

– А, с чего вы взяли, что этот шаман знает о том, что мы идём к нему?

– Знает, поверь, – убеждённо мотнул головой Мансыр.

– Докажи, – азартно предложил я.

– Вот завтра сами увидите. Если завтра до него дойдёте, значит, он согласен с вами встретиться. А, если не дойдёте, то не хочет вас видеть.

– Ну, ты сказал! – засмеялся Игорян. – Я, конечно, уважаю ваши верования, но это уже слишком. От вашего села до его избушки полдня пути всего. И Адуш дорогу знает. Правда, ведь, Адуш?

– Знать-то я знаю, – почесал затылок охотник.

– Не понял, – Лёха аж подскочил на полке, и тут же сел, зашипев от клубившегося под потолком пара. – Ты, что, на попятную идёшь?

– Никуда я не иду! Просто, Мансыр прав. Если кам Темичи не захочет нас видеть, он все тропинки в тайге так запутает, что ни один охотник дорогу не найдёт.

– Бред! – рубанул рукой я и плеснул воды на каменку. – Или ты знаешь дорогу, или не знаешь. Как можно тропинку в другую сторону повернуть?

Клуб горячего пара с шипением вырвался с раскалённых камней, за клубился, обжигая наши тела, и растёкся по парной.

– Не бред, – не согласился со мной Мансыр. – Года три назад охотники – промысловики тут ходили. Не наши, чужие. Но тайгу знали, как свои пять пальцев.

– И что?

– Обидели они кама.

– Каким это, интересно, образом?

– Рысь его любимую убили. И, ведь, просто так убили, для забавы. Они марала промышляли. Тогда Темичи разгневался сильно. Неделя такая гроза была, что все по избам сидели, а в тайге много деревьев молнией пожгло. Лесного пожара не случилось только из-за того, что ливень очень сильный был. А потом, когда промысловики опять в тайгу пошли, он так им дорогу закрутил, что заблудились они, плутали долго и умерли без пищи и воды.

– Ну, заблудились мужики, еда кончилась, – развёл руками я. – Причём тут шаман?

– Промысловики не смогли себе еды раздобыть или воду найти в тайге? Тем более, что нашли их в километре от нашего посёлка, недалеко от реки. Там, в одну сторону двадцать метров пройти, и берег, а в другую метров триста – и опушка. Их так и нашли там, худых, словно мумии, и с потрескавшимися от жажды губами. А вокруг всё их следами истоптано. Видно было, как они на одном месте кружили и никак дорогу найти не могли. Так, самое главное, ни один зверь, ни одно насекомое или птица на их тела не покусились. Вот, как!

– Что-то этот рассказ больше похож на страшилки, какие мы в пионерлагере друг другу перед сном рассказывали, – усмехнулся Лёха, хотя, было видно, что и ему не по себе.

– Это Алтай! – многозначительно поднял указательный палец вверх Адуш. – Тут понимать не надо. Здесь жить надо со всем этим.

– Как это, не понимать, а жить? – не понял я.

– Он хочет сказать, что не нужно пытаться докапываться до сути вещей, – пояснил Игорёха. – Дождь идёт, потому что идёт. И ветер дует, потому что дует. Живи с этим, растворяйся в природе. А остальное тебе шаман растолкует. И не про тёплые и холодные фронты, и не про атмосферное давление и повышенную влажность. А, доступно, про духов стихий, то благосклонных человеку, то разгневанных. И всё становится на свои места. Не надо голову ломать.

– Фатализм какой-то, – пожал я плечами. – Если всю жизнь полагать, что молниями разгневанный дух пуляется, то никто никогда бы громоотвод не изобрёл.

– Молнии мечет не дух, – поправил меня Мансыр. – Это Кайракан разговаривает.

Я покачал головой. Темы для спора было выше крыши, но, глядя на Игорёху, в полемику я, вступать, не стал. Они, как-никак в этих краях не первый раз и понимают, что к чему. Но, всё равно, непонятно. Двадцать первый век, люди в космос не только летают, но и живут там. Глубоководные батискафы в Марианскую впадину спускаются, на Кольском полуострове сверхглубокую скважину давно пробурили и забросили. Я уже не говорю про атомные бомбы и электростанции. А они всё духам своим поклоняются.

Утром я проснулся первым и, потягиваясь, уселся на кровати, восстанавливая в памяти вчерашнюю экскурсию по дому и пытаюсь вспомнить, где у них умывальник и сортир. Сквозь закрытую дверь были слышны шаги в кухне, позвякивание посуды и негромкие голоса. Говорили двое мужчин, скорее всего, Мансыр и Адуш. Изредка в разговор вплетался женский голос. Это – Дьилу. Больше некому. Хозяева, выходит, давно на ногах. А я думал, что первым встал. Ну, хоть, на цыпочках по дому красться не придётся. Я встал, ощущая босыми ногами холодные доски пола, и выглянул в окно. Дождя не было. Только лужи на раскисшей земле, нахолодившиеся от сырости деревья да мокрая крыша сарая напоминали о ночном ливне.

Невнятное движение на окраине близкого леса зацепило взгляд, и я присмотрелся повнимательнее, стараясь понять, что привлекло моё внимание. Что-то бурое опять ворохнулось в густом подлеске и, вдруг, вытянулось вверх, превратившись в большого медведя, стоящего на задних лапах и в упор смотревшего прямо на меня. По-крайней мере, мне так показалось. Я отшатнулся от окна, потом опять всмотрелся, почему-то надеясь, что это мне показалось, и понёсся в кухню. За столом сидели Мансыр, Адуш и сын Мансыра, кажется, Тольш. Да, точно, Тольш. Он ещё сказал, что можно называть его Толик. Так его звали в интернате, когда он учился в районной школе. Дьилу хлопотала возле печи, и оттуда доносились восхитительные запахи чего-то печёного. Когда я влетел в кухню, все четверо обернулись в мою сторону, и удивлённо посмотрели на меня.

– Там медведь! – взволнованно заговорил я. – За нашим домом следит.

– Как может медведь следить за домом? – раздалось за моей спиной, заставив меня вздрогнуть.

Я резко обернулся и увидел всклокоченного после сна Лёху, почёсывающего голую волосяную грудь.

– Да и нет тут медведей, – добавил вышедший из комнаты Игорь. – Ты, Славик, своим топотом всех нас разбудил.

– Да сами гляньте в окно! – не сдавался я.

– Нет там никого, – проговорил Адуш. – Я посмотрел.

– Вот видишь, – Лёха почесал свою лохматую голову. – Показалось. Только зря разбудил.

Ещё полчаса можно было поспать.

– Не скажи, – не согласился с ним Адуш. – Не показалось. Был мишка.

– Ты же сам сказал, что нет его.

– Сейчас – нет, а до этого – был.

– Мансыр, ты же местный, охотник, – воззвал Алексей. – Хоть ты им скажи, что нет тут медведей!

– Мишки нет. Я за этим, – кивнул хозяин дома на стену, – далеко ходил.

– Вот!

– Ничего не вот! – Мансыр отрицательно замотал головой. – Это послание было от кама Темичи.

– И что же это за послание?

– Похоже, он приглашает вас к себе.

– Уверен?

– Да. Если медведь стоял спокойно и не проявлял агрессии, то это приглашение. Иначе он бы по опушке метался с грозным видом.

– Ребят, что тут происходит? – ошалело встряхнул я головой. – Просто случайно забрёл медведь в ваши края. Наткнулся на посёлок и встал в замешательстве. С одной стороны, пахнет едой, а с другой – запах человека. Вот и стоял, решал, что делать. Наверное, пересилило чувство самосохранения, и он ушёл. Не захотел связываться с людьми, у которых железные палки, изрыгающие огонь. А вы тут мракобесие развели. Ещё сходите, посмотрите, может, он от шамана там где-нибудь, письмо оставил.

– Зря ты так, – покачал головой Игорёха. – Я, конечно, тоже не особо в это всё верю, но в этих местах много иррационального.

– И ты, Брут! – театрално воздел я руки. – Ты, ведь, кандидат там чего-то. А, такие антинаучные вещи говоришь. Нас же с детства учили: религия – мракобесие. Есть молекулярная физика, закон Ома и органическая химия. Всё понятно и легко объяснимо при помощи науки. А тут, всякий бред на уровне средних веков.

– Далеко не всё может объяснить современная наука, – пожал плечами Игорян и, в этот момент, выглядел самым настоящим профессором с какой-нибудь кафедры, только очёчков на носу не хватало и бородки клинышком. – Те же египетские пирамиды например.

– Тоже мне пример! Всем ещё со школы известно, что их построили рабы.

– Да? При уровне развития науки и техники того времени сложить исполинское строение из каменных блоков, самый маленький из которых весит больше шести тонн? Да ещё и расположить пирамиду строго по сторонам света? А рисунки в пустыне Наски, которые с земли увидеть просто невозможно? Они видны только с высоты птичьего полёта. Те, кто рассуждают, что всё можно объяснить научными формулами, просто зашоренные упрямы.

– Спасибо. – буркнул я. – Ты так просто отказываешься от науки, которой отдал большую часть своей жизни?

– Я не отказываюсь от науки. Просто, глупо полагать, что наука открыла уже все законы природы. Мы, только, краешком коснулись сути мироздания и возомнили себя великими знатоками. А узнать нам предстоит очень многое. Поэтому со счетов сбрасывать таких шаманов, как Темичи, нельзя. Такие особенные люди, кстати, по всему миру встречаются. Кто знает, может они, сами того не зная, научились использовать ещё не открытые законы физики или химии. Ведь, в тех же сказках о волхвах, или колдунах, не всё вымысел.

Выходили сразу после завтрака. Гостеприимные хозяева собрали нам провианта на дорогу и, глядя на количество продуктов, я всерьёз начал беспокоиться о том, что нас шаман этот собрался покружить по тайге. Мансыр порывался идти с нами, но мы его отговорили. Вполне хватает одного проводника. Когда заходили в лес, я напрягся, подсознательно ожидая увидеть медведя, но никого не было. Только на опушке был помят кустарник и Буран, обнаружив медвежьи следы, напрягся, глухо зарычал и вздыбил шерсть на загривке.

– Я же говорил! – обрадовался я и, тут же, испуганно обернулся, снова опасаясь, что из-за деревьев выглянет косолапый.

– Да верим мы тебе уже! – засмеялся Лёха. – Был тут медведь. Специально приходил с тобой поздороваться и пожелать тебе доброго утра.

– Тебе бы всё шутить.

– А куда без шутки? Без неё, родимой, жизнь уныла и безрадостна.

– Туда пойдём, – махнул рукой Адуш. – Идите за мной. В стороны не расходитесь.

– А, что, болота кругом? – поинтересовался я.

– Нет. Просто, тайга. Тут, на два шага отошёл и потерялся. А на сыпучку попадёшь, вниз покатишься. Лечи, потом, твои переломы. Всякое бывает. Так, что, все находитесь в пределах видимости.

Идти было легко, несмотря на то, что всю ночь шёл сильный дождь. Усыпанная многолетней хвоей земля быстро впитала лишнюю влагу и приятно пружинила под ногами. Буран, словно малый щенок, бегал вокруг нас, играясь и, то пропадал в густых кустах, то выпрыгивал прямо перед нами. Поначалу шли по тропинке. Неширокая, протоптанная, скорее всего, охотниками, она вилась между деревьями, огибала огромные валуны, неизвестно какой силой заброшенные сюда, забирала вверх, то круто, то полого и, наконец, вывела к озеру. Мы остановились у крайней сосны и с восхищением разглядывали панораму, открывшуюся нам. Небольшое озерцо с кристально чистой лазурной водой, изогнутое на манер бобового зёрнышка, с

берегами из чистого золотистого песочка и с живописной горной грядой на заднем плане. Такое впечатление, что на открытку в каком-то журнале смотришь. Не верится, что такие места существуют на самом деле.

– Ух, ты! – кажется, в один голос воскликнули мы и уже собрались подойти поближе.

– Не надо, – остановил нас Адуш. – Нельзя.

– Как, нельзя? – удивился я. – Красота то, какая! Хоть умыться в такой водичке.

– Нельзя.

– Почему, нельзя? – спокойно, деловито, словно ничуть не удивившись, поинтересовался

Игорёха.

– Нехорошее озеро.

– Правда?

– Да.

– Разве может такая красота быть нехорошей, – не унимался я.

– Может. В этом озере хозяйка воды живёт.

– Русалка, что ли?

– Нет. Злой дух, повелевающий водой, – пояснил Лёха.

– Не злой, – поправил Адуш.

– Как, не злой, если она людей в воду утягивает? Добрый, что ли?

– И не добрый. Просто дух. Хозяйка воды водой повелевает. Весной превращается в огромного зверя и взламывает рогами лёд на реках и озёрах. Она может и в воду затянуть, и помочь. Тут, как она захочет. А это – её дом. Ближе нельзя подходить, чтобы не потревожить её.

– И, что, никто не тревожит?

– Нет. Видишь, тропа до озера не доводит. Сюда, даже, зверё на водопой не ходит.

Смотри на Бурана. Даже из-за деревьев не показывается.

Собака, действительно, осталась за толстой сосной и тревожно смотрела на нас. Адуш повернулся и пошёл по опушке, оставляя озерцо с правой стороны. Мы двинулись за ним, временами поглядывая на такую красивую, но опасную в своей иррациональности, природу. Они вышли из-за камней, когда мы, уже, почти обогнули озеро и приблизились к горной гряде на той стороне. Четыре волка, необычайно крупных, редкого белого окраса, оскаливших свои пасти и плотоядно смотревших на нас своими красными глазами. Красными? Почему красными? Я всегда считал, что у волков глаза должны быть жёлтыми.

Внезапно возникшее чувство опасности, не такое, какое было ещё минуту назад, а раскалённое, ослепляющее и, почти лишаящее воли, паническое по своей сути, неожиданно сильно обострило зрение. Я, совершенно чётко, видел каждый волосок на морде зверя, стоящего напротив, его жёлтые клыки, с которых на прошлогоднюю хвою и выступающие из земли камни падала белая пена, прижатые к голове острые уши и эти красные злобные глаза с, почему-то, вертикальными зрачками. Что-то мешало мне, не давая сделать шаг. Я бросил взгляд вниз и увидел прижавшегося к моей ноге Бурана, оскалившего клыки, но, даже не делавшего попытки броситься на врага.

Игорёха вскинул карабин и выстрелил. Звук выстрела вывел меня из состояния оцепенения, и я тоже выпустил пулю прямо в эту клыкастую морду. Что за чёрт? Не мог же я разучиться стрелять? А стрелял я хорошо в своё время. Сейчас, я готов был поклясться, что тяжёлая пуля калибра 7,62 миллиметра, вошла точно в оскаленную пасть. Но волк стоял, как, ни в чём не бывало, только ниже пригнув голову к земле, и глухо, угрожающе, зарокотал горлом. Я выстрелил ещё раз, и ещё, безрезультатно. Над ухом грохотал карабин Игорёхи. Судя по его растерянным возгласам, у него, похоже, то же самое. Лёха, даже не стал стрелять и опустил карабин, видя всю бесперспективность этого занятия, и обернулся к Адуш, который даже не снял с плеча своё ружьё, а вместо этого, зачем-то принялся шарить по карманам.

– Что за ерунда? – поинтересовался Алексей.

– Бесплезно, – покачал головой охотник. – Их обычной пулей не возьмёшь. Тут специальную надо, над которой кам обряд провёл.

– А у тебя есть такие?

– Нет.

Волки не приближались, внимательно разглядывая и, видимо, никуда не торопились. И правильно. Куда спешить? Мы уже здесь и никуда нас не денемся.

– И, что делать теперь? – я был близок к панике.

– Сейчас, – Адуш достал из глубин своей брезентовой куртки жестяную круглую баночку из-под монпансье, поддел кривым ногтем и снял крышку, взял щепотку бурого порошка и, дунув, распылил его в сторону волков.

Зверюгам порошок не понравился, и они, глухо заворчав, отошли назад на два шага, а, потом, переглянувшись, развернулись веером и принялись нас окружать. Я, вскинув карабин, прицелился в одного волка, потом в другого, прекрасно понимая, что стрелять – только патроны тратить, и краем глаза наблюдал за охотником. А тот, словно в раж вошёл. Точно так же дунув порошком вправо, влево и назад, он извлёк из кармана резную палочку, потемневшую от времени, с привязанными к ней истрёпанными перьями филина и клыком какого-то хищника и принялся очерчивать вокруг нас круг.

Словно ничего экстраординарного не происходит, он опять спрятал палочку в карман, уселся на земле, свернув ноги калачиком, и, прикрыв свои узкие глаза, принялся мерно раскачиваться из стороны в сторону. Я, даже, про волков забыл на время. Это, что, он каким-то порошком, да чёрточкой, прочерченной по земле, защититься хочет? Волки подошли поближе, и один, покрупнее, вдруг оттолкнулся сильными лапами и прыгнул на нас. Я интуитивно отшатнулся, чуть не споткнувшись об Бурана, но зверюга, словно натолкнувшись на невидимую преграду, отлетела в сторону, взвизгнула, покатила по земле, и, вскочив на лапы, озадаченно посмотрел на нас. Остальные, видя, что произошло с их товарищем, бросаться вперёд не стали, а, подойдя почти вплотную к черте, сели и опять уставились на нас, вывалив чёрные языки.

Ничего не понимающие, мы сбились в кучу, ошетинившись бесполезными карабинами и с удивлением смотрели на, сидевшего на земле и раскачивающегося, Адуша. А для охотника, казалось, ничего вокруг не существовало. Он, словно маятник качался из стороны в сторону и, временами, даже, что-то напевал сквозь плотно сжатые губы. Наконец, он открыл глаза и, улыбнувшись, легко поднялся на ноги.

– Всё, – радостно сообщил нам охотник. – Они нас не достанут.

– А мы никуда не уйдём, – мрачно добавил Лёха. – Патовая ситуация. И, чего ждать будем? Когда у нас еда и вода закончится?

– Подождём. Увидишь.

Как ни странно, но уверенность, прозвучавшая в его словах, приободрила и вселила надежду. Мы расслабились и, уже, с интересом, стали рассматривать окруживших нас волков. Не скажу, что я знаток большой, но таких зверюг я, не только не видел, но, даже, не слышал. Таких волков в природе быть не может.

– Что это за монстры? – поинтересовался я у Адуша.

– Да, – поддержал меня Лёха. – Что за животные такие, что их пуля не берёт?

– Это не животные, – покачал головой охотник. – Это злые духи. Кто-то наслал их на нас. Этот кто-то очень не хочет, чтобы мы добрались до кама Темичи.

– Хозяйка воды? – покосился Игорёха на виднеющееся за деревьями озеро.

– Нет. Хозяйка воды не причём. Она на подобную мелочь не разменивается. Сама всё делает.

– Даже вдали от воды? – скептически усмехнулся Лёха.

- Она терпеливая. Она подождёт, когда ты сам к воде подойдёшь.
 - Духов не бывает, – убеждённо отрезал я.
 - Тогда, что это? – кивнул на волков Адуш.
 - Не знаю. Есть, ведь, наверное, какое-то рациональное объяснение.
 - Чему? – обернулся ко мне Игорёха. – Тогда, выходит, что ни ты, ни я не попали в них.
 - С двадцати шагов? В упор из карабина? Не знаю, как ты, но я промахнуться не мог.
 - В таком случае, пули калибра 7,62 миллиметра должны были прошить их насквозь, раскроить черепа и расплескать по лесу мозги. Ты видишь мозги?
 - Нет мозгов. Даже ран нет.
 - А невидимая преграда, которая помешала волку броситься на нас? Что его остановило, рациональный ты наш? Кстати, Адуш, что?
 - Смесь перетёртых сухих листьев нужных растений, которую кам готовил, отпугнула их. А граница между миром мёртвых и миром живых, проведённая амулетом Каир-кана, не дала злым духам напасть на нас.
 - Что-то я амулета не видел, – скептически произнёс я.
 - Вот он, – Адуш опять извлёк из кармана резную палочку с перьями. – Мне её кам Улай продал, когда я ещё только начал в лес ходить. У нас каждый охотник такое имеет. Кто знает, где злого духа встретишь.
 - Как-то несерьёзно он выглядит.
 - Зато помогает, – засмеялся Лёха. – А почему кам Улай, а не Темичи? Темичи, наверное, посильнее будет.
 - Кам Темичи далеко, а кам Улай у нас в посёлке живёт. Амулеты делает на продажу. И, ещё, Темичи ничего не продаёт.
 - Странно. Какая-то палочка с перьями, и помогает. Только, не представляю, что дальше будет.
 - А дальше вот, что будет, – Адуш показал рукой куда-то в лес.
- Там, действительно, что-то двигалось. Движение было смазанным и стремительным, и что-то конкретное рассмотреть не удалось. Волки, тоже, почуяли неладное, обернулись и, встревожено, сбились в кучу. Что-то стремительное нырнуло в густой подлесок, прошло по низу, словно подводная лодка, и, наконец, вынырнуло неподалёку, оказавшись крупной, размером почти с тигра, рысью. Волки забеспокоились, поджали свои хвосты, но, не собираясь уступать добычу, оскалились.
- Огромная кошка невозмутимо царапнула устрашающими когтями ствол ближайшей сосны и пронзительно мяукнула. В ответ прозвучал счетверённый рык. Буран от страха завыл и попытался вжаться в мою ногу так, что она поехала ступнёй по опавшей хвое. Мне показалось, что рысь усмехнулась. Как это может быть – не знаю, но, показалось. Она припала на передние лапы, зашипела, ощерив свои желтоватые длинные клыки. Острые уши, увенчанные кисточками, прижались к голове, а потом она прыгнула. Сразу, без подготовки, совершенно внезапно. И сразу врубилась в самую середину волков.
- А дальше, что-либо рассмотреть, не было никакой возможности. Всё слилось в один бело-жёлто-палевый смазанный ком, который перекатывался, врубаясь, то в одно дерево, то в другое, клочья шерсти летели в разные стороны, а рычание, скулеж, повизгивание и вой слились в невероятную какофонию, поддерживаемую истерическим лаем Бурана. А потом, как-то внезапно, ком распался, и мы увидели четыре растерзанных волчьих трупа, истекающих чёрной кровью, и рысь, невозмутимо вылизывающую свою, местами подранную, шерсть. Большая кошка, почуяв наши взгляды, прекратила вылизываться, глянула на нас своими жёлтыми глазами, поднялась и, с независимым видом, скрылась в подлеске. Как и не было её. Если бы не волчьи трупы, можно было бы подумать, что нам всё это привиделось. Дохлые волки немного полежали и растаяли.

– Что это было? – первым нарушил молчание Лёха.

– Чокондой. Рысь по-вашему. Мой тотем.

– Что за тотем? – переспросил я.

– Родовое животное, – пояснил Игорёха. – Они верят, что каждый род произошёл от конкретного зверя. Кто – от медведя, кто – от волка, а кто – от рыси.

– Правильно, – радостно закивал головой Адуш. – Мой род от чокондоя произошёл. Я к предкам обратился с молитвой, вот они тотем и прислали на помощь.

– Так, выходит, рысь тоже не настоящая была? – наверное, выглядел я глупо с широко раскрытыми от удивления глазами и открытым ртом.

– Да. Тоже из мира духов. Предки прислали.

Мой мозг отказывался принимать то, что я увидел и что узнал за это утро. С детства нам внушали, что бога нет, и загробной жизни не существует, а тут, за какие-то пару часов всё перевернулось с ног на голову. В голове крутилось какое-то мудрёное слово, но вспомнить его никак не удавалось. Мы уже пошли дальше, а я всё напрягал и напрягал свою память, словно от того, насколько точно я его вспомню, зависело многое. Наконец, что-то в голове щёлкнуло, и всплыло то, что мучительно искал. Инферно. Да, именно Инферно. Это слово как раз и характеризует то, что мы сейчас видели.

Шаман нас ждал. Когда мы вышли из леса, он встречал нас возле своей кривобокой избушки, крытой позеленевшей от лишайника дранкой. Колоритный мужик. Очень старый, с худым, изборождённым глубокими морщинами, лицом, высокого роста, невероятно тощий, одетый в чёрную длиннополую одежду, сплошь увешанную длинными разноцветными ленточками, с каким-то невероятным чучелом совы на голове вместо головного убора, он стоял, удерживая в узловатых тонких пальцах бубен, и смотрел точно на нас, словно знал, откуда мы появимся. Шедший впереди Адуш, мелко-мелко семена, подбежал к Темичи и, часто кланяясь, начал что-то говорить на своём языке, а Буран путался под ногами, всё время пытаясь лизнуть Темичи руку. Шаман слушал, кивал, и изредка вставлял что-то своё. Наконец, поток слов охотника иссяк, Темичи в последний раз величественно кивнул и, словно только что, заметив, что тут ещё кто-то есть, повернул голову в нашу сторону.

– Я тебя знаю, – скрипучим голосом проговорил он, обращаясь к Игоряну.

– Да, – ответил мой друг. – Я приходил к тебе год назад.

– Тебя до сих пор волнуют хранители, – скорее утвердительно, чем вопросительно прокрипел шаман.

– Да. Я пришёл, чтобы узнать, как до них добраться.

– Это не так просто.

– А мы не ищем лёгких путей, – жизнерадостно заявил Лёха и тут же осёкся, увидев, как поморщился Темичи.

– Хранители живут на острове посреди озера.

– Ты, как добраться до озера, расскажешь?

– Не спеши, – этим скрипучим голосом, наверное, можно было бы стекло резать. – Остров не каждому показывается.

– Как это?

– Если хранители не захотят, ты не увидишь острова. Многие люди годами вокруг этого озера безрезультатно ходят, а острова нет.

– Так, может, его и не существует? А все истории про хранителей не более, чем сказка?

– Остров есть. И хранители есть. Сегодня вы останетесь на ночь у меня. А ночью я поговорю с хранителями. Их решение вы узнаете утром. Если они согласны принять вас, я расскажу, как добраться до озера. Они вас там встретят. А, если откажутся, то идти туда бесполезно. Лучше вам домой вернуться.

– У вас, что, телефонная связь с их поселением проложена? – не выдержал я. – Или рация есть?

– Нам не нужны рации и телефоны, – Темичи посмотрел на меня, как на надоедливое насекомое. – Мы встретимся в преддверии нижнего неба и поговорим. Проходите в дом. Покормлю вас с дороги.

Обстановка у шамана в доме была, более, чем, аскетичная. Одна большая комната с низенькими подслеповатыми окнами, закопченная печь, сплошь завешенная пучками сушеных трав, узкая самодельная кровать в углу, дощатый стол, лавки, сколоченные из широченных досок и огромный сундук. Под потолком тоже висели какие-то пучки, рыбы пузыри, куриные головы, лисьи и волчьи хвосты и, даже, вроде, как, лягушачьи лапки. Пока мы рассаживались за столом, с любопытством оглядываясь по сторонам, Темичи, ловко орудуя ухватом, извлёк из печи чугунок с ячневой кашей и водрузил на стол.

– Посуды не держу, – проскрипел он. – А ложки, думаю, у вас свои есть. Кушайте, а я пойду, вашему псу дам чего-нибудь.

– Ты, кам, не беспокойся, – виновато проговорил Адуш. – Я сейчас в лес схожу, дичь набью. Будет и Бурану и тебе.

– Сходишь, конечно. А сейчас, я покормлю пса. Негоже зверя мучить.

– Так, не мучаю я его. Кинул я ему вяленой оленины.

– Сам бы её грыз. Ешьте, говорю.

Мы сдвинулись кучнее и потянулись к чугунку. Каша оказалась простой, непритязательной, но невероятно вкусной. Пока мы удовлетворяли свой голод, шаман вернулся, водрузил на стол огромный ведёрный самовар с медалями и принялся заваривать чай. Сразу потянуло незнакомым ароматом трав, заставив нас отвлечься от еды и покрутить носами, принюхиваясь.

– Он нас не отравит? – шёпотом спросил у Адуша Лёха.

– Нет. Не для этого он нас к себе позвал. Если бы захотел погубить, мы бы из тайги не выбрались.

– Я не собираюсь вас травить или превращать в бездушных кукол, – опять заскрипел Темичи. – Вы не сделали мне ничего ни плохого, ни хорошего. Просто, как-то раз во время нашего общения с Эркеш-тайда, старейшиной хранителей, я упомянул о молодом русском учёном, который расспрашивал об Ульгене и о них. Мне показалось, что это его заинтересовало. Сегодня ночью я сообщу им о вас. Если у хранителей до сих пор есть интерес к вам, я помогу вам до них добраться.

Я облизал ложку, отложил в сторону и сыто откинулся спиной к стене. Темичи, видя, что гости наелись, принялся разливать чай по пиалам. Не знаю, была ли там заварка, или это был просто настой из трав, но золотистый напиток был ароматным и вкусным.

– Ты говорил, что многие не могут найти остров, – сделал глоток и блаженно прикрыв глаза, обратился я к шаману. – Что, много, кто их ищет?

– Много.

– А им-то, что надо? Ну, ладно, мы. Всё-таки, научный интерес есть. А другим зачем?

– Хранителям разрешено посещать подземный мир и ходить, аж, до шестого неба в верхнем. Они могут общаться с умершими, и, главное, что они имеют доступ к клубку человеческих судеб.

– А, что они, тогда к тебе не обращаются? Ты же тоже, вроде, как с духами беседуешь и на небеса ходишь? Сам же говорил, что там со старейшинами хранителей беседовал.

– Мне дозволено бывать только в преддверии нижнего неба и у первой ступени подземного мира. Дальше мне хода нет. А клубок человеческих судеб мне, вообще, дозволено видеть только на расстоянии. Я могу знать лишь то, что говорят мне духи, а духи не всегда разговорчивы и очень капризны.

– Получается, что информация от хранителей более надёжна?

– Да. Можно и так сказать. А ещё, хранители могут изменять человеческие судьбы. Для них не составляет особого труда переложить нить судьбы конкретного человека в клубке более благоприятным образом. Вот этого от них, чаще всего, и хотят.

– И, что? Меняют?

– Когда, как. У них свои соображения, которые, даже, мне не всегда понятны. Они сильно отличаются от людей. Думают по-другому.

Решили обмыться с дороги, раз, всё равно, тут до утра застряли. К нашему удивлению, у шамана бани не было. На вопрос, где же он моется, Темичи, молча, указал на большую деревянную бочку во дворе, потом выдал нам два оцинкованных ведра и ткнул узловатым тонким пальцем в сторону протекающей рядом реки.

– С таким же успехом можно и в речке искупаться, – скептически произнёс я.

– Точно! – поддержал меня Лёха. – Чего нам с вёдрами возиться и воду таскать?

Шаман невозмутимо смотрел, как мы, закинув на плечи свои полотенца и, прихватив по куску мыла, начали спускаться к берегу. Первым, быстро раздевшись, в воду бухнулся Лёха и, совсем не солидно, как-то по-женски взвизгнув, пулей вылетел назад. Буран, наклонив голову, удивлённо посмотрел на Алексея.

– Это же не вода! – стуча зубами, выдохнул он. – Это же жидкий азот какой-то! Ледяная, просто жуть!

– Вы что тут делаете? – показался на берегу Адуш.

– Помыться хотели.

– Вы что, себе всё отморозить собираетесь? Вам же кам Темичи бочку предложил!

– А, что, если мы в бочку воды натаскаем, она потеплеет?

– Вы натаскайте, а там сами увидите.

Помыться хотелось, поэтому мы впряглись и втроём быстро наполнили бочку доверху. Адуш забежал в дом, спустя пару минут опять появился на пороге, неся на широкой лопате два, раскалённых докрасна, булыжника, и закинул их в бочку. Раздалось шипение, и над водой поднялся клуб пара.

– Через пару минут можно будет купаться, – довольно проговорил охотник.

– Два камня на такую огромную бочку? – усомнился Игорян. – Вряд ли вода сильно потеплела.

– Лезьте, не разговаривайте. Это бочка кама. Он всегда в ней моется.

Вода, к нашему удивлению, прогрелась. Хоть и не кипятком, но была тёплой, поэтому помыться удалось с относительным комфортом. Тем более, что ширины бочки вполне хватило, чтобы мы там разместились втроём. Получилось, что-то, вроде, ванной.

– Как же так? – Удивлялись мы, поудобнее устраиваясь у бортиков бочки. – От двух небольших, пусть и раскалённых камней, нагрелось такое большое количество воды? Разве так можно?

– У кама бочка не простая, – как само собой разумеющееся, ответил Адуш. – Ей немного тепла надо, а дальше она сама греет. Это все знают.

Пока купались, в лесу раздалось несколько выстрелов из ружья. Потом появился Адуш с охачкой дичи на поясе, и Буран, сытый, довольный, с окровавленной мордой. Поел, видать, сразу там же, на месте. Как говорится, не отходя от кассы. Уже стало темнеть, когда мы, чистые и довольные, ввалились в дом. Самовар уже пыхтел и исходил паром, а Темичи опять колдовал над заварочным чайником. Я принял. Аромат был тоже приятным но, совершенно другим, чем днём.

– Я вам успокоительный сбор заварил, – пояснил шаман. – Расслабляет. Если хранители разрешат, завтра рано утром пойдёте. Вам силы понадобятся. А с этим травяным сбором, как раз, отдохнёте хорошо, и сил наберётесь.

Я скептически хмыкнул. Мы, вроде, и устать не успели. Сил много, молодые все. Только раненная нога к вечеру разболелась, но, это дело уже привычное. Пока пили настой, особо не говорили. Так и сидели, громко прихлёбывая горячий напиток, погружённые, каждый в свои мысли. Темичи поднялся из-за стола и вышел из дома. Мы слышали, как он ходил по двору, чем-то гремел в сарае, а потом вернулся с пучком какой-то травы и принялся растирать её в ступке.

– Вот это я понимаю, – нарушил я затянувшееся молчание. – Шаман – человек, знающий близко природу, хорошо её понимающий и разбирающийся в целебных свойствах трав. Люди обращаются к ним испокон веков с разными болячками, получают лечение, выздоравливают и считают это чем-то волшебным. Ну и, постепенно начинают верить в то, что шаман – колдун, что ему подчинены духи природы. Вот, сидит себе, травки перетирает, лекарства готовит. Это понятно. Но, все эти волки, тотемные рыси, вообще в голове не укладываются. Ведь, такого быть не может! Тут он ещё и с хранителями в астрале говорить собрался! Полный абсурд.

– Согласен, – Игорян сделал глоток и прочистил горло. – Выглядит необычно. Да и, пока, объяснить это невозможно. Но, это ещё не значит, что такого быть не может.

– Почему?

– Как ты думаешь, что тебе сказали бы в девятнадцатом веке, заяви ты, что люди уже на Луне побывали?

– Не поверили бы.

– А почему не поверили бы?

– Да, потому что тогда даже самолётов не было, не то, что космических кораблей!

– А, почему не было?

– Не знали, наверное, как сделать.

– Правильно. Они, тогда, даже элементарных законов аэродинамики не знали. А, уж, понятие реактивной тяги для них было сплошной абракадаброй. Или телевидение. Расскажи какому-нибудь современнику того же Некрасова, как ты по вечерам фильмы и передачи по телевизору смотришь, он же пальцем у виска покрутит и, в лучшем случае, скажет, что ты Жюль Верна перечитал, а в худшем – посоветует клинику для душевнобольных с лечением путём обёртывания мокрыми простынями. Так, вот, всё иррациональное, с чем мы столкнулись сегодня и, скорее всего, ещё не раз столкнёмся, для нас – то же самое. Мы не знаем принципов, по которым всё это происходит, и от этого уходим в глухое отрицание. Этого не может быть, потому, что, не может быть никогда.

– Ты так говоришь, словно со всем этим иррациональным с детства встречаешься.

– Знаешь, мне по роду своей деятельности много с чем странным приходилось встречаться. И в Перу, когда города Инков в джунглях искали, и Египте, когда в пирамиды лазили, и в Непале, когда буддийские монастыри исследовали. Везде есть своя вера со своими тайнами и чудесами. Не спорю, поначалу это был шок и полное отрицание. А потом, пришло осознание. Так, что я тебя прекрасно понимаю.

– И мне было непросто всё это осознать, – поддержал Игоряна Лёха. – У меня, и сейчас, всё это с трудом в голове укладывается. Но, тут рецепт простой: ничему не удивляться и принимать таким, как оно есть.

Легко сказать, не удивляться. Тут всё мировоззрение с ног на голову переворачивается, а они – не удивляться.

А чай, действительно, расслабил. В теле появилась лёгкость и некоторая нега. Хотелось лежать и предаваться мыслям или разглагольствовать на разные отвлечённые темы. Так, было в старину, когда жизнь людей текла неторопливо и степенно.

– А, что, милостивый государь, – говорил, наверное, какой-нибудь господин, потягивая табачок из трубки с янтарным мундштуком. – Как вы думаете, будет завтра дождь, или нет?

– Думаю, что не будет, – отвечал такой же франтоватый сударь, затягиваясь пахитоской или запихивая в нос нюхательный табак. – А, вообще, лето нынче дождливое. Я, вот, давеча в Ницце на водах был, так там солнце круглый год.

– Славик, – выдернул меня из моих грёз голос Лёхи. – Что-то ты там размечтался! Аж, улыбка до ушей.

– Да, что-то меня этот шаманский чай на размышления потянул.

– И о чём ты так приятно размышляешь?

– Да, ерунда всякая. У меня такое ощущение, что я из нашего реального мира попал в другой, не такой, как наш, сказочный, что ли.

– В чём-то ты прав. Это другой мир. Он далёк от нашей вечной спешки, нашей расчетливости и сплошной веры в законы физики. Тут всё по-другому. Тут люди неспешные, живущие в согласии с природой и берущие от природы всё необходимое. Они верят в чудеса, духов и богов. И, как видишь, их вера реальна.

– Ты об этом так говоришь, будто всё это тебе роднее нашего понятного мира.

– Кто знает? Может и так. Может, раньше весь мир был такой. Это потом мы его посчитали и забили в прокрустово ложе формул и законов. А он такой же реальный. Мы все с этим живём с самого детства. Помнишь, сказки?

– Какие?

– Про Бабу Ягу, про Кощея, про Змея Горыныча, например.

– Так, то сказки.

– Да. Сказки. Пережившие, между прочим, не одну сотню лет. Может простая выдумка передаваться из уст в уста на протяжении многих поколений? Нет, не может. Она в первом же поколении забудется и потеряется. А сказки живут. А всё потому, что они передают нам из глубины веков что-то важное, нужное, что народ считал необходимым донести до нас.

– Ты, что, всерьёз веришь, что всякие там Кощеи Бессмертные – правда?

– Это народная мудрость, только изложенная понятным для простого неграмотного народа языком. Да и те, кто слагал их, описывали то, что видели, так, как понимали. Сейчас, сквозь вековые наслоения метафор, вымысла и допущений, сложно пробиться к тому, что они имели в виду под тем же Кошеем Бессмертным. Но то, что во всех сказках есть реальная основа, это точно.

– Ладно, можно допустить, что Кощей – это особо сильный и непобедимый воин. Народу свойственно преувеличивать. А ступа Бабы Яги? Ты всерьёз полагаешь, что кто-то в глубокой древности мог летать? У какой-то пожилой женщины, жившей в глухих лесах оказался летательный аппарат, неважно, самолёт или вертолёт, на котором она рассекала по воздуху? Бред.

– Зря смеёшься. В сказках разных народов упоминается о полётах по воздуху. Тот же ковёр-самолёт, например, или семимильные сапоги-скороходы.

– А сапоги причём?

– За один шаг семь миль преодолевать. Это тебе не полёт? И никто не говорит про вертолёты и самолёты. Кто знает, может, был совершенно другой принцип передвижения?

– Какой? Ракеты?

– А, между прочим, в индийских эпосах, в Махабхарате, например, есть упоминания о виманах – летательных аппаратах, но которых боги передвигались по воздуху. И описано всё так, будто автор сам их видел. И, боги, не только на них летали, но и воевали, устраивая настоящие воздушные сражения с применением оружия, по описанию очень похожее на ракетные комплексы.

– Ну, при должной фантазии и ступу можно принять за самолёт вертикального взлёта.

– Вот, ведь, Фома неверующий! Уже сам носом в чудеса местные ткнул, а ему, хоть кол на голове теши. Я уже говорил, что всё непонятное, кажущееся чудом, просто ещё неоткрытые законы мироздания.

– Мы не открыли ещё, а шаманы ими пользуются всюду?

– В средние века алхимики экспериментальным путём, по наитию, совершенно не имея понятия об атомной структуре, удельном весе ядра, атомной решётке, структуре молекул и прочей химии, создали немало соединений, которые и до сих пор используются. Так же в древности кузнецы, не имея понятия о технологии сплавов, создали ту же дамасскую сталь, которую сейчас не могут повторить при всех наших знаниях и возможностях. То же самое относится и к шаманам. Изначально шаманами становились люди с очень сильной внутренней энергетикой.

– Типа Джуны?

– Можно и так сказать. Но, просто имея сильную энергетику, нельзя стать шаманом. Для этого нужно иметь ещё и пылкий ищущий ум. И такие люди интуитивно пытались нащупать возможность влиять на тонкие материи. Что-то удавалось, и они, ухватив самый кончик, кропотливо, поколениями, пытались добраться до сути, совершенно не беспокоясь о том, какие механизмы приводят в действие их эксперименты. Вот и получается, что они используют ещё не открытые нами законы физики и химии.

С улицы донеслись ритмичные удары в бубен. Мы бросились к окну, с интересом высматривая, что там делает шаман. Темичи стоял в свете костра, низко опустив голову и молотил по бубну палкой в каком-то своём, только ему понятном ритме. Скорость ударов постепенно стала нарастать, рождая в душе что-то дикое, давно забытое, доставшееся, наверное, в наследство от, ещё, пещерного человека. Мы зачарованно застыли у окна и очнулись только тогда, когда в дом вошёл Адуш.

– Вы, чего уставились? – возмутился он. – Нельзя смотреть.

– Как нельзя? – удивился я. – Даже по телевизору показывали, как племя у костра сидит, а шаман в бубен бьёт.

– Это другой случай. Тогда он для племени камлает, или для рода своего. Там все в обряде участвуют, поэтому в кружок и собираются. Кам, тогда, души всех в один пучок собирает, из него аркан плетёт и на нижнее небо забрасывает, чтобы оттуда духов вытащить. А сейчас он для себя камлает. Нельзя смотреть. Худо будет. Спать ложитесь.

– Да, – согласился с охотником Игорян. – Ложимся. Независимо от того, верим мы в это, или нет, мы должны уважать их законы. Нельзя, значит – нельзя.

Мы так и уснули под методичные гулкие удары в бубен, расположившись на широких лавках. Уже укладываясь спать, я бросил взгляд в окно и увидел, как Темичи кружился вокруг костра в бешеном, каком-то диком, танце. Жаль, посмотреть нельзя. А, было бы любопытно. Будет, о чём потом внукам рассказать. Хотя, надо ещё детей завести, для начала. С такими мыслями я и уснул. А проснулся ночью от какой-то сплошной, абсолютной, ватной тишины. Даже, мои друзья, обычно безбожно храпящие, спали так тихо, что, даже, дыхания слышно не было. Я поднялся, шлёпая босыми ногами по холодному дощатому полу, подошёл к ведру и зачерпнул кружкой студёной воды. Вода была вкусная, но настолько холодная, что зубы заломило. Блики холодного белого света, внезапно заигравшие по стенам, заставили меня напрячься. Сразу повеяло ужасом. По спине между лопатками пробежал холодок, а волосы на затылке зашевелились, словно живые.

Не помня себя от страха, подобрался поближе к окну и глянул сквозь запыленное стекло. Костёр догорел и, только, небольшие всполохи на покрытом пепельным налётом кострище, напоминали о том, что вечером тут весело полыхал огонь. Но, во дворе было светло. Неровный, колеблющийся мертвенно белый свет заливал всё пространство, даже не создавая теней. Я поискал глазами источник и не нашёл его. Ни фонаря, ни прожектора. Такое впечатление, что светился сам воздух. Посреди двора стоял шаман, а перед ним висели в воздухе и колыхались на сквозняке две призрачные фигуры. У призраков не было глаз, но я, почему-то, знал, что они

смотрят на Темичи и, я готов был поклясться, что они разговаривали, хоть не было слышно ни звука. Даже лес, который всегда шумит, сейчас молчал.

Как заворожённый, я смотрел и не мог оторваться от этой картины. Мне было страшно так, как не было страшно никогда. Даже, когда в Афгане нас зажали духи, и мы уже откладывали по патрону в сторону, чтобы не достаться им живыми, меня не охватывал такой ужас. Тогда было просто страшно. Страшно попасть в плен, страшно умереть. Но это был вполне обычный страх, нормальный, человеческий. А тут – животный, сковывающий тебя до состояния оцепенения и лишаящий возможности думать. Сколько прошло времени, не знаю, но, когда призраки, колыхнувшись ещё раз, растаяли в воздухе, я понял, что задыхаюсь. Только сейчас до меня дошло, что всё это время я не дышал.

Хрипло вдохнув первый глоток, я смотрел, как мертвенно белый свет погас и на двор опустилась темнота, слегка подсвеченная всполохами умирающего костра. Темичи вытащил из кармана щепотку какого-то порошка и швырнул в кострище. Пламя взметнулось вверх метра на два, и костёл запылал с новой силой. Шаман, вдруг, резко обернулся и посмотрел в мою сторону. Я уверен, что за грязным стеклом в тёмной комнате меня не было видно, но Темичи смотрел мне прямо в глаза. Немного помедлив, он кивнул мне, приглашая выйти. Почему бы и нет? Быстро одевшись, я выскользнул из дома и подошёл к шаману.

– Я хотел, чтобы ты это видел, – опять это скрипучий голос.

– Зачем?

– У тебя есть предназначение.

– Какое ещё предназначение? Я – просто охранник. Даже не учёный.

– Не знаю, какое. Но оно есть.

– Каждый в этом мире для чего-то рождается, – скептически пожал я плечами.

– Нет. Твоё предназначение – особое. Ты не зря приехал сюда. Сам говоришь, что ты не учёный. Но духи сделали так, что ты тут. Сядь.

Повинуясь его голосу, словно приказу в армии, я уселся на чурбачок, стоявший тут же и, как загипнотизированный, смотрел на своего собеседника.

– Нить твоей судьбы извивается и переплетается, словно заячьи тропы, – неожиданно заговорил шаман. – Я вижу, что местами она обуглена огнём, местами мокрая от слёз и боли, а, местами, солёная от пота.

– Это было, или будет?

– Было. Нить, которая у тебя впереди, ещё чистая. Проживёшь её, тоже отметины останутся. Я для другого тебя позвал.

– Для чего?

– Голова у тебя не болит? И нога вот тут?

– Нога болит, а голова – нет.

– Вижу тёмное пятно на голове. Что-то у тебя там неладное.

– Контузия была. Заикаюсь иногда, когда нервничаю.

– А нога?

– Пулевое. Прихрамываю и болит, когда натрудишь.

– Это поправлю. Ты для своей судьбы здоровым должен быть.

– Как же ты поправишь? Врачи не могли, а у них, между прочим, дипломы есть.

– У них, может и есть дипломы, только они лечить не умеют. Они тело лечат, а нужно душу лечить. Если, душа здоровая, она сама своё вместилище, тело, то есть, отремонтирует.

– Ну, попробуй, – скептически протянул я. – Только не больно.

– Больно не будет.

Шаман достал из кармана коробочку, порылся в ней и, что-то быстро зашептав, кинул в костёр щепотку, от чего пламя заиграло голубыми оттенками.

– Смотри в огонь, – приказал Темичи.

А костёр завораживал. Переливы бирюзового, небесно-голубого, ультрамаринового или васильково-синего приковывали внимание, словно гипнотизируя. Шаман стал двигаться вокруг меня, потрясая маленьким веничком, время от времени поворачиваясь к огню и, словно, отряхивая веничек в пламя, от чего оно волновалось, шипело и брызгало искрами. Наконец, он успокоился, остановился и посмотрел на меня в упор.

– Всё, – произнёс он почти шёпотом. – Сейчас иди в дом и ложись спать.

Утром всё происшедшее ночью казалось нереальным, словно нехороший сон. Думая о том, как задурил мне ночью голову шаман, я поднялся и пошёл к умывальнику.

– Славик! – окликнул меня Игорёха. – А что ты не хромаешь сейчас?

– Почему не хромаю? – я, даже, остановился.

– Вот я и спрашиваю: почему? Я тебя уже не прихрамывающим и не представляю. А тут, идёшь, походочка ровная, как по набережной в Сочи.

– Не соврал шаман, видать.

– Ну-ка, подробнее?

– Ночью шаман колдовал надо мной. Веником над головой тряс, что-то бормотал. Сказал, что вылечит. Вылечил, значит. Выходит, теперь я и заикаться не буду.

– Что это он так твоим здоровьем озаботился? Может, и мне что-нибудь подлечит? Зубы, например. Ноют иногда.

– Говорит, что предназначение у меня.

– Какое?

– Не сказал. Но, типа, что-то исполнить я должен.

– Выходит, избранный ты! – заржал Игорян и хлопнул меня по плечу. – Умывайся и пошли завтракать. Нам ещё вердикт у шамана узнавать. Беседовал он с хранителями или нет, интересно. А то, может, дурит нас. Скажет, мол, был, говорил, не согласились. А сам всю ночь продрых.

– Не знаю с кем, но, говорил он ночью. Я видел.

– Слушай, ты спал, вообще, или нет? Что-то, пока мы тут бока отлёживали, много чего произошло. Ты вылечился, да ещё и подсмотреть успел, как Темичи на небо летал.

– Не летал он. Они к нему прилетали. Такие размытые, белые, как призраки.

– Не приснилось тебе?

– Нет. Я через окно смотрел. А потом призраки исчезли, и он меня позвал. Лечить начал.

– Тогда, тем более, поторапливаться надо.

Мы быстро умылись и сели за стол. Лёха достал из рюкзака палку колбасы, хлеб и принялся нарезать бутерброды. Адуш занёс в дом исходящий паром самовар и занялся чаем. Шамана не было, но за прошедшее время мы уже привыкли к тому, что он, то пропадает, то опять появляется. Позавтракали быстро, а потом принялись укладывать в дорогу рюкзаки. Шаман зашёл в дом, посмотрел на наши сборы и улыбнулся, от чего кожа на лице пошла мелкими морщинами.

– Собираетесь?

– Собираемся, – выпрямился Игорёха. – Только, знать бы, куда.

– К хранителям пойдёте. Они ждут вас.

– Вот, за это спасибо! Хорошую новость принёс.

– Хорошая, или нет, не знаю. Но выходить вам надо прямо сейчас. К вечеру как раз до озера дойдёте.

– Конечно, хорошая! – воскликнул Лёха. – Мы для этого сюда и шли.

– У хранителей свои резоны. Не всегда это хорошо. Зачем-то вы им понадобились. А, вот, зачем, вопрос. Для этого они вас сюда и вытянули.

– Никто нас не вытягивал! – даже обиделся Игорян. – Это было моё желание. Потом уже я Лёху заинтересовал и Славика подбил.

– И часто ты в свои научные походы таким составом ходишь?

– Никогда не ходил, – мой друг, похоже, растерялся. – Существует уже отработанный штат для таких экспедиций.

– А сейчас, почему, этого штата нет?

– Ну, тема уж больно щепетильная. Да и подумал я, что малым составом удобнее.

– Подумал, или тебя подтолкнули к этому?

– Да, кто меня мог подтолкнуть? Я, что, коза на верёвочке?

– Для хранителей мы все – козы на верёвочке.

– Что-то, сомнение меня берёт. С чего бы это мы хранителям понадобились?

– Им, вообще-то, он нужен, – Темичи ткнул в меня своим худым узловатым пальцем. –

А вы – дело второстепенное.

– Он? А он тут причём?

– Я же говорю, что хранителей понять невозможно. Может, и на вас тоже у них планы есть, но он – обязательно. Собирайтесь быстрее. Я на улице подожду.

Мы быстро собрались и вышли из дома. Шаман ждал нас, выпрямившись во весь свой рост и глядя на утренний лес, ещё не просохший от росы, блестящей, словно драгоценные камни в свете просыпающегося солнца.

– Пойдёте туда, – махнул он рукой. Если не будете нигде задерживаться, к вечеру будете у озера.

– Э нет! – возмутился Лёха. – Ты обещал нам рассказать дорогу, а не направление показать. Сейчас уйдём, незнамо куда, и плутать будем.

– Не будете, – убеждённо ответил Темичи. – Если туда пойдёте, обязательно к озеру выйдете. Хранители не дадут вам с дороги сбиться.

– Это так? – повернулся Игорян к Адушу.

– Раз кам Темичи говорит, значит, так и есть, – пожал плечами охотник.

– Всё, – отрезал шаман. – Идите.

Словно потеряв к нам всякий интерес, он резко развернулся и ушёл в дом. Адуш проводил его взглядом и первым пошёл в лес.

Через лес мы шли, то звериными тропами, то, просто продираясь через густой подлесок. Даже Буран не игрался, а молча шёл рядом с охотником, только временами останавливаясь и принимаясь к чему-то. Несколько раз приходилось огибать по большой дуге крупные завалы бурелома, так что, даже, Игорёха стал волноваться о том, насколько правильно мы идём. Не говоря, уже, про нас с Лёхой. Я, например, был почти уверен, что после последнего бурелома мы свернули совсем не туда.

– Зря вы переживаете, – проговорил Адуш, видя, как мы неуверенно поглядываем по сторонам. – Мы правильно идём.

– Откуда ты знаешь? – удивился Игорян. – Тебе что-то шаман рассказал?

– Нет. Просто я чувствую уверенность. Если сверну, то тут же мной беспокойство овладевает, пока я на нужный курс опять не вернусь. Нас ведут.

– Кто?

– Избранные, наверное.

– Мракобесие какое-то, – уже привычно проворчал я. – И, самое любопытное, что мы во всём этом принимаем участие.

– Ага. И, особенно, ты, избранный ты наш.

– Хватит уже, – мне было не до шуток.

– Да, ладно, расслабься, – рассмеялся Лёха. – Шаман жути нагнал, а ты и повёлся.

– Расслабишься тут! – я в раздражении сплюнул, чего, обычно, никогда не делал. – Мне, например, совсем не нравится, что меня используют. Эти хранители рассматривают нас, как инструмент для своих дел или замыслов. А мы идём к ним, как на поводке.

– Никто не сможет заставить нас делать то, чего мы не захотим. Придём к ним, постараемся увидеть артефакт, рассмотрим, подробно запишем, сфотаем и уйдём. Всё!

– Если прав Темичи, что нас сюда приехать подтолкнули, то и дальше подтолкнут. И будем мы делать то, что от нас требуется, как миленькие.

– Да ерунда всё это! Никто меня на эту экспедицию не толкал. Ерунду городит ваш шаман.

– Кам Темичи никогда не городит ерунду, – вступился за шамана Адуш. – Он очень сильный кам. Поэтому его даже хранители к себе допускают. Ни один кам больше не может с хранителями говорить.

– То, что он фокусник хороший, это правда, – вспомнил я призраков, с которыми Темичи беседовал ночью. – И лечит отлично. Мне дипломированные врачи помочь не могли, только руками разводили, а он веничком потряс и всё. Здоров. Хоть опять на медкомиссию и в армию.

– Он не фокусник, он – кам. Поэтому и лечить умеет. А врачи ваши не камы, поэтому у них ничего и не получается.

– Много ты знаешь, – мне вспомнился наш афганский госпиталь, где измотанные врачи с воспалёнными от бессонницы глазами сутками не отходили от хирургических столов во время операции по взятию Грозного. – Врачи тоже лечат.

– Что же тебя не вылечили?

– Вылечили. Только хромоту убрать не смогли.

– А кам Темичи смог.

Большой овраг с очень крутыми склонами преградил нам дорогу. Мы сгрудились на его краю и с опаской поглядывали вниз.

– Нужно обход искать, – почесал в затылке Адуш. – Больно глубоко, и склоны крутые. Слезть, может, получится, а, вот, залезть, уже никак.

– Вот и посмотрим, насколько хранители в нас нуждаются, – усмехнулся Игорёха. – А ну-ка, почувствуй, в какой стороне обход искать.

Охотник озадаченно посмотрел на нас, пожал растерянно плечами и, потоптавшись на месте, неуверенно ткнул рукой вправо.

– Нам туда.

– Уверен?

– Да.

– Что-то не чувствую я в твоём голосе уверенности.

– Нет, – уже твёрже произнёс Адуш. – Туда надо.

– Ну, раз ты так считаешь, пошли туда.

Мы двинулись вдоль оврага, временами поглядывая, как осыпающиеся под нашими ногами комья земли летят вниз. Идти оказалось недалеко. Спустя километр наткнулись на толстое дерево, упавшее так, что образовался этакий мосточек. Охотник подошёл к нему, залез на осклизлый от лишайника ствол, подпрыгнул несколько раз, проверяя прочность, и, быстро, придерживаясь за вертикально торчащие ветки, перебежал на ту сторону. Следом за ним перешёл и Буран.

– Идите сюда! – крикнул он нам. – За ветки держитесь, а то скользко. А ствол крепкий, не трухлявый. Выдержит.

На обед много времени не тратили. Просто присели на небольшой полянке, на скорую руку перекусили консервами и опять вперёд. Буран, тоже, довольствовался куском вяленого мяса и, сейчас, был не прочь помочь нам в поедании консервов. Но мы не поделились, к его

глубокому сожалению. Я ясно чувствовал внутри беспокойство, не позволяющее расслабиться, и, почти физически, ощущал, словно кто-то подталкивает меня в спину. Судя по всему, мои друзья испытывали что-то подобное, хоть, никто из нас не делился своими ощущениями. Просто быстро шли вперёд, не задерживаясь и ни на что не отвлекаясь.

К озеру вышли уже к вечеру. Садающееся солнце окрасило воду в багряный цвет, и всё вокруг стало каким-то нереальным, inferнальным и потусторонним. Посередине озера клубился туман, создавая впечатление опустившегося на поверхность огромного облака. Мы встали на берегу, замороженные красотой природы, а Буран бросился к воде и радостно стал носиться по мелководью.

– Ну, и где эти хранители? – нарушил молчание Лёха. – Шаман говорил, что ждут нас.

– Вон, они, по-моему, – показал рукой вдаль Игорян. – Если я не ошибаюсь.

Я присмотрелся и, действительно, увидел с краю лежащего на воде облака, где пелена была пореже, какое-то движение. Что-то тёмное плыло по воде в нашу сторону.

– Лодка, что ли? – всмотрелся вдаль Лёха.

– Скорее всего, – согласился Игорёха.

Это, действительно, была лодка. Точнее, небольшой рыбацкий баркас, типа тех, что я видел, когда ездил к сослуживцу в гости в Одессу. Два крепких мужика сноровисто гребли вёслами, толкая судёнышко по спокойной воде, а на корме у рулевого рычага стоял высокий старик с седой бородой, одетый в длинную белую хламиду. Баркас прошелестел килем по отмели, гребцы выскочили из лодки и, по пояс в воде, вытащили судно повыше. Старик, неожиданно легко, прыгнул и подошёл к нам.

– Мира вам, люди, – глубоким голосом проговорил он, выпрямившись, словно лом проглотил.

– И вам не хворать, – ответил за всех нас Игорян.

– Меня зовут Юка-тайда. Эркеш-тайда ждал вас.

– А нас...

– Я знаю, кто вы. И Эркеш-тайда знает. Поэтому, не будем терять времени. Скоро стемнеет. Рассаживайтесь, и поплывём.

Ну, было бы предложено. Мы помогли спихнуть баркас с мели, запрыгнули на него, гребцы снова впряглись в вёсла, и мы поплыли навстречу лежащему на воде облаку. Меня не покидало ощущение чего-то нереального. Словно я не наяву, а во сне, и баркас сейчас оторвётся от водной глади и полетит по этому вечернему небу, на котором, оказывается, нет ни тучки, ни облачка какого-нибудь захудалого. Странно, вроде, совсем недавно небо было облачным. Я ещё раз посмотрел на гребцов и старика и, наконец, понял, что показалось мне в их облике неправильным. У всех троих был вполне европейский тип лица. Ни приплёснутых носов, ни широких скул, ни, даже, раскосых глаз. Вполне европейские, даже слишком правильные, черты лица. И все трое были блондинами.

Стена клубящегося, густого до непрозрачности, тумана приближалась. Мы с некоторой опаской смотрели на нависающие над нами густые, словно вата, белые клубы. Наконец, лодка врубилась в белую стену и, спустя мгновенье, мы погрузились в белесую темень. Мгновенно пропали, словно отрезало, все звуки. Даже вёсла, погружаясь в воду, не издавали ни одного всплеска. Буран, и тот, до этого с интересом поглядывающий на воду, забился под лавку и испуганно молчал. Мы плыли в молочной пелене недолго. Минуты через три, туман кончился, и над нами вновь появилось вечернее небо.

Я посмотрел вперёд и увидел остров. Он был недалеко. Всего метрах в ста от нас. Прямо из воды в начавшее темнеть небо устремлялись высокие скалы с острыми вершинами. Никакой пристани видно не было, и я обеспокоенно обернулся на Юка-тайда. Старик спокойно стоял у рулевого рычага и смотрел на приближающийся берег. Может, пристань на другой стороне, и нам нужно будет обогнуть остров? Ведь, откуда-то они отплыли. Гребцы тоже не высказывали

никакого беспокойства и всё так же размеренно налегали на вёсла. Интересно, как они там, в скалах живут? Отсюда, по крайней мере, ни одного подходящего места для жилья я не вижу.

Скалы всё приближались и, наконец, нависли над нами, подавляя своей величественностью. Именно тут ощущалась до невозможности ясно вся дикая мощь природы, всё её величие и полное безразличие к нам, маленьким людишкам, словно блохи, копошащимся на её теле. Старик навалился на рычаг, и баркас, повернув, поплыл вдоль поднимающейся отвесно вверх базальтовой стены. Впереди показался грот, уходящий вглубь скалы, Юка-тайда повернул, и судно скользнуло в кромешную темноту. Почти сразу возникло сияние, освещающая осклизлые от сырости стены и играя бликами на воде. Я поискал глазами источник света и увидел на вытянутой ладони старика что-то сверкающее, испускающее лучи, словно он держал на ладони маленькую, но настоящую звезду.

Тоннель был извилистый, но недлинный. Не прошло и десяти минут, как впереди слабо забрезжило, и мы выплыли наружу. Вечер уже вступил в свои права, на тёмном небе начали появляться первые звёзды, но темно не было. По всему берегу реки, в которую мы попали, выплыв из тоннеля, стояли высокие стойки с чем-то, напоминающим фонари в парке культуры и отдыха. Такие же молочно-белые шары, излучающие матовый тёплый свет. Похоже, река, или вернее, канал, кольцом опоясывал обширную долину внутри острова.

Мы пристали к мосткам на берегу и выбрались на дощатый настил, огороженный перилами. Я огляделся по сторонам. От реки вела дорожка, мощенная плоским камнем и освещённая такими же, как и на берегу, фонарями. Цепочка светящихся шаров уходила вдаль, туда, где стояли дома. Особо, ничего не было видно, но то, что дома большие и добротные, было понятно даже в темноте. Юка-тайда проследил, как гребцы привязали баркас, достали вёсла, руль, и потащили их в сарайчик, стоящий неподалёку. Мы, не зная, что делать дальше, стояли, переминаясь с ноги на ногу. Даже, Буран притих и настороженно поглядывал по сторонам.

– Пошли со мной, – наконец, повернулся к нам старик. – Устрою вас на ночлег.

– Мы бы хотели артефакт Ульгения посмотреть, – не согласился Игорёха.

– Санаа? Он в Главном доме. Туда мы попадём завтра. И, без Эркеш-тайда мы, всё равно, не можем его показать.

– А где он? Ведите к нему, пусть разрешит.

– Не так быстро, – усмехнулся Юка-тайда. – Сегодня вы отдыхаете. Все дела завтра.

– Почему? – в Игорёхе проснулся азарт исследователя, и было видно, как ему не терпится прикоснуться к тайне.

– Эркеш-тайда сейчас с богами беседует. Это всю ночь займёт.

Даже я расстроился, что, ещё, целую ночь, ждать придётся. А на Игоряна и Лёху смотреть было жалко. Но, хотя бы, сразу не отказали. Есть надежда, что допустят к артефакту. Даже баркас за нами прислали. Никуда не денешься, придётся подождать. Мы понуро пошли по дорожке следом за стариком.

– А, откуда у вас электричество? – чтобы не идти молча, поинтересовался я. – Где-то электростанция есть, или генератор?

– Это не электричество, – не оборачиваясь, ответил Юка-тайда.

– А, что, тогда? Газовые фонари?

– Нет. Это свет звёзд, который вдохнул Ульгень в камни.

– А, если попроще? Для ничего не понимающих в вашей мифологии?

Старик остановился, пристально посмотрел на меня так, что у меня мурашки побежали по спине, потом улыбнулся одними губами и пошёл дальше.

– В скалах есть особые камни, прозрачные, похожие на стекло. Мы их находим, а Ульгень вдыхает в них свет звёзд. Проще уже не объяснишь.

– Прямо спускается к вам сюда и вдыхет? – переспросил я и осёкся, увидев, как от моей бестактности на секунду окаменело лицо моего собеседника.

– Нет. Мы складываем камни в кучу и проводим обряд, посвящённый Ульгеню. К концу обряда камни начинают светиться.

– И, горят постоянно?

– Мы умеем гасить и снова зажигать этот свет.

– А в тоннеле, у вас на ладони?

– Это тоже камень со светом звёзд. Только он не прикрыт был ничем, поэтому свет резкий, острый, а эти, на фонарях, под колпаком. Отсюда и свет мягкий и тёплый.

Мы замолчали, и я попытался осмыслить только что услышанное. Прозрачные камни, это, скорее всего, горный хрусталь. Видел я такие где-то, то ли в книжке, то ли в учебнике. Эдакие пирамидки, пучками растущие из одного корня. Но, как заставить горный хрусталь светиться, ума не приложу. Может, я ошибаюсь, но горный хрусталь не светится. Нечему там светиться.

Дорожка привела нас к окраине посёлка. Аккуратные дома по сторонам улицы, невысокие штакетники, за которыми в свете фонарей угадывались цветочные клумбы во дворах, собаки, агрессивно облаивающие Бурана, всё было настолько сюрреалистичным, что хотелось зажмуриться и потрясти головой, словно прогоняя наваждение. Но посёлок никуда не пропадал и был таким же реальным, как и скалы, окружающие нас со всех сторон и в темноте на фоне ночного неба выглядевшие, словно зубы огромного дракона.

Наш проводник подвёл нас к одному из домов, на крыльце которого стоял мужчина лет пятидесяти, тоже, вполне европейской наружности, в меховой безрукавке, накинутой на голые плечи. Молча, они посмотрели друг на друга, потом старик повернулся и ушёл.

– Юка-тайда сказал, что вы к Эркеш-тайда пришли и вам надо переночевать. Проходите в дом. Я постелю вам.

– Когда он успел сказать тебе это? – подозрительно прищурился Лёха.

– Да, вот сейчас и сказал. Ты, Алексей, не удивляйся. Мы словами почти не разговариваем.

– Телепаты, что ли? – раскрыл я рот от удивления.

– Не знаю, что такое телепаты, но у каждого человека есть внутренний голос. И каждый человек может говорить им в голове у другого.

– А мы, что, не люди, что ли? – обиделся Игорёха.

– Люди, конечно, – мужик испугался, даже. – Самые, что ни на есть, настоящие люди.

– Но мы не можем говорить в голове другого человека.

– Это, Игорь, вы просто не умеете. А, если вас научить, то тоже сможете. Человек, ведь, не сразу, даже, ходить учится, я уже не говорю о способности читать и писать. Вы умеете только то, чему вас научили.

– Подожди, – только сейчас дошло до меня, – Откуда ты знаешь, как нас зовут?

– Юка-тайда сказал. Он каждого из вас представил мне. Меня, кстати, Саклаем зовут. Так что, будем знакомы.

Буран, наконец, изволил обратить своё внимание на заходящуюся лаем собачонку у будки под навесом и лениво потрусил к ней. Собачка обмочилась от страха и юркнула в будку, не переставая визгливо лаять. Пёс спокойно понюхал содержимое миски, одним глотком опорожнил её и попытался залезть в конуру. Влезла только задняя половина Бурана. Где-то там, внутри, приглушённый мягкой густой шерстью охотничьей собаки, выл от ужаса местный кабыздох, но Буран невозмутимо посмотрел на нас, зевнул во всю пасть, показывая внушительные клыки, и положил свою большую голову на лапы.

– Не порвёт? – немного обеспокоенно поинтересовался Саклай.

– Буран-то? – ответил Адуш. – Нет, не порвёт. Он – воспитанный.

Воспитанный Буран ещё раз от души зевнул и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что мы можем быть свободны, а он будет отдыхать.

Дом у Саклая оказался просторным, а, благодаря «Свету звёзд», ещё и светлым. Я подошёл поближе и присмотрелся к, закреплённому на потолке, сияющему кристаллу. Ну, точно горный хрусталь! Именно таким я его и видел на фотографиях. Правда, там был целый пучок, когда из основания росли до десяти пирамидок, а тут пучок был явно разделён, и была только одна пирамидка, но горела она качественно. Высокая, статная, с толстой, пшеничного цвета, косой, женщина быстро собрала на стол и молча, с достоинством, удалилась.

Хозяин дома жестом пригласил садиться и, дождавшись, когда рассядемся мы, уселся сам. Так же молча, разложил из чугунок по тарелкам рисовую кашу с крупными кусками мяса и, взяв руку толстый ломоть хлеба, принялся есть. Похоже, у них тут разговоры не в чести. Ну, ничего, это мы поправим. Не все умеют говорить телепатически. А мы, и вообще, только словами свои мысли и выражаем. А аппетит разыгрался зверский. Ещё бы! Весь день по лесу шли, даже на обеде сэкономили. Перекус консервами не в счёт. А каша была вкусная! Масляно блестящие рисинки – одна к одной, аромат – слюной захлебнуться можно, а мясо слегка жирное, мягкое, прямо, тающее во рту.

– Что это за место? – насытившись, Игорёха потянулся к пиале с чаем.

– Я не понимаю, о чём ты? – Саклай собрал грязные тарелки и сложил их в таз с водой.

– Что это за посёлок?

– Это наша родина. Мы живём тут и стараемся ни с кем не вступать в контакт. Тут жили наши отцы, деды и прадеды.

– А остров? Почему он в таком густом тумане? Я, сначала, подумал, что вокруг него бьют горячие источники, но туман не был тёплым. Он был никаким. Это не пар.

– При помощи тумана Ульгень укрывает наш остров от посторонних взглядов, когда его видно, и переносит его туда, куда надо.

– Переносит?

– Да. Посмотрите в окно.

Мы, как по команде, повернули головы к окнам и поражённо уставились на белую муть. Темноты не было. Такое я видел однажды, когда во время бурана сидел в деревенской избе в глухой деревушке на Урале. За окном тогда была такая же белесая муть и, несмотря на ночь, в хате было светло.

– Что это? – вырвалось у меня.

– Это перенос. Нас уже нет на озере.

– Как же так? – вскочил на ноги Лёха, чуть не опрокинув стол. – Как мы вернёмся? Я не собираюсь оставаться тут!

– Не переживай. Старейшины знают, что делают. Даже, если вы будете умолять старейшин, вас тут не оставят. Тут живут только хранители.

– И ты хранитель?

– И я.

– Как он, хоть, выглядит, артефакт этот?

– Я и слова-то такого не знаю. Что это такое?

– Ну, амулет этот, который вы храните?

– Санаа, – подсказал Адуш.

– Это лучше самому увидеть. Вот, решит Эркеш-тайда вас к нему допустить, сами увидите.

– Адуш, – повернулся к охотнику Лёха. – А почему сана?

– Душа, по-нашему. Душа Ульгения.

– Ну, надо же! Не больше, ни меньше. Звучит поэтично. А как на самом деле?

– Уж, поверь, в сана действительно есть часть души Ульгения, – убеждённо потрянул головой Саклай. – Иначе, как бы мы перемещались?

– Кстати, куда? – поинтересовался я. – На другое озеро, в океан, или на другой континент?

– Я не знаю. Я, всего лишь, низший хранитель. Живу, веду хозяйство, участвую в обрядах и верю. Вера – главное. Она питает санаа. И я никогда не бывал по ту сторону гор. Вам все расскажут верхние хранители, если сочтут нужным.

– Так, у вас тут своя иерархия? – заинтересовался Игорян. – То есть, все обязанности распределены?

– А, как же? Так всегда было. Кому-то надо обеспечивать общину, кому-то – учить детей, кому-то – строить, кому-то обряды вести, а кому-то – на небеса ходить, с духами верхними, а то и с самим Ульгением говорить. Тут, от способностей зависит, которые ещё в раннем детстве проявляются.

– Слушай, Саклай, – поинтересовался я. – Что вы за народ? Вы же не алтайцы? Вот, алтаец самый настоящий. Адуш, покажись.

Адуш, явно польщённый, вниманием, поднялся во весь свой невысокий рост и важно выпятил вперёд подбородок, пытаясь сделать придать своему плоскому скуластому лицу солидное выражение.

– Видишь? – показал я на охотника. – А, теперь, в зеркало посмотришь. Я видел мало ваших. Всего два гребца, Юка-тайда, да тебя. Не знаю, как остальные, но, если всех вас переодеть в современную одежду, вы ничем не будете отличаться от европейцев. Тех же норвежцев, например.

– Я не знаю, кто такие европейцы, или норвежцы, – задумчиво потёр рукой подбородок Саклай. – Но, наши предания говорят о том, что мы – потомки древнего народа, когда-то научившего человечество науке, ремёслам и письму.

– А, откуда вы, тогда, взялись?

– Нас создал, научил всему и прислал сюда Ульгень. Для того, чтобы вытащить человечество из дикого существования.

– Ну, прямо легенды об Атлантиде и Гиперборее, – хмыкнул Игорёха.

– Я, даже, больше скажу, – засмеялся Лёха. – Живое подтверждение легенд.

– Тоже мне, нашли подтверждение, – скептически скривился я. – Вы посмотрите, они же в средневековье застряли!

– Ну, во-первых, никто эти легенды на веру принимать не собирается, – отмахнулся Игорян. – А, во-вторых, технократическое развитие цивилизации не является единственным вариантом. А то, что в нашем обществе назвали бы чудом, а учёные сплошь бы скрежетали зубами от бессилия, тут – на каждом шагу. Вот и думай теперь.

– Да, что ту думать? Голова кругом идёт!

– Я предлагаю не заморачиваться, – предложил Лёха. – Лучше поспать. А завтра встретимся с их старейшиной. Как его?

– Эркеш-тайда, – услужливо подсказал Адуш.

– Да, вот именно. Вот завтра нам Эркеш-тайда всё и объяснит. Если захочет.

Мы улеглись на уложенных на пол ватных матрасах, и, последнее, что я видел, когда уже засыпал, это Саклай, проводящий раскрытой ладонью под светящимся кристаллом. Кристалл стал затухать и, наконец, в комнате стало темно.

Утром нас разбудил хозяин дома. Его молчаливая жена быстро соорудила нам завтрак и, как и вчера, удалилась.

– Кушайте быстрее, – поторопил нас он. – Старейшины готовы вас принять.

– А Эркеш-тайда? – Игорёха со смаком намазывал на крупно порезанный кусок хлеба жёлтое, покрытое капельками конденсата, масло.

– Не знаю. Это, как он решит.

– А без него нам, какой резон с вашими старейшинами встречаться? Допуск к санаа только Эркеш-тайда даёт.

– Я не знаю, будет ли он там, – пожал плечами хозяин дома. – Мне сказали разбудить вас, чтобы вы могли направиться в Главный дом. А там всегда старейшины заседают. Может, и Эркеш-тайда там будет. Вы же сюда к санаа шли, и вас на остров допустили. А сюда мало кого пускают. Значит, покажут вам санаа.

– Ладно, мужики, – оборвал разговор Лёха. – Так гадать можно долго. Быстро завтракаем и идём. Ты же, Игорь, видишь, что он не знает ничего. На месте всё ясно выясним.

Немудрёный крестьянский завтрак умяли быстро и поднялись из-за стола, с нетерпением поглядывая на Саклая. Тот понял нас с полувзгляда, встал и кивнул головой на выход. Под навесом Буран грыз большую кость, а рядом что-то ела из миски местная собачонка, настороженно поглядывая на своего огромного соседа. Увидев нас, пёс с сожалением оторвался от своего лакомства, подошёл к Адушу и вопросительно заглянул ему в глаза.

– Пошли уже, – похлопал Адуш своего верного друга по холке. – Будет ещё на твоём веку много костей.

Только сейчас, при свете дня, удалось нормально осмотреться. Довольно большой посёлок, добротные дома с резными наличниками, под окнами высажены цветы, а во дворах крупные хозяйственные постройки. Ухо сразу уловило звуки деревенской жизни: мычание коров, блеянье коз, хрюканье свиней, кудахтанье кур, гогот гусей и вездесущий лай собак. Я оглянулся в ту сторону, откуда мы вчера пришли и увидел дорожку, выбегающую из посёлка и тянущуюся по изумрудному от травы полю до самого причала. А там, вдали, стеной поднимались мрачные скалы. Но, больше всего, меня поразило небо. Салатовые и светло-зелёные переливы волнами шли по всему небосклону и делали его пугающе красивым.

Возле ворот стояла повозка, запряжённая лошастью, понуро щиплющей траву у забора. Кажется, это была пролетка, хотя, с таким же успехом, она могла называться и бричкой, и тарантасом и, даже, дилижансом. Не силён я в гужевых транспортных средствах. Вот, если бы «Жигули» были, сразу бы сказал, какая модель. Или, «Москвич», например. В кузове пролетки сидел и спокойно смотрел на нас Юкка-тайда. Неожиданная встреча.

– Садитесь, поедем уже, – немного насмешливо проговорил старик. – Не ожидали меня увидеть?

– Признаться – нет, – ответил Игорёха. – Какими судьбами?

– Я – старейшина этой деревни. Поэтому, именно, мне и было поручено встретить вас. Ведь, именно, моя деревня стоит у пристани.

– У вас, что, не одна деревня? – удивился я.

– Нет, конечно. Была бы одна, мы бы выродились давно.

– А Главный дом?

– Он стоит в самом центре острова и не принадлежит ни одной деревне. Так должно быть.

Мы погрузились в пролетку, и Юка-тайда тронул поводья. Лошадь встрепенулась и побежала по улице. Бурану места не досталось, но он не расстроился и побежал, весело скалясь, следом. Очень быстро мы пересекли деревню и выехали на широкую просёлочную дорогу. Я смотрел на изумрудную траву и удивлялся. В это время года зелень должна быть пожухлой, временами высохшей, а, временами, тронутой первыми холодами. А тут, словно начало июня. И, даже, утренняя прохлада была, скорее освежающей, чем охлаждающей. Вчера, однозначно, было холоднее. А небо, вообще, не укладывается ни в какие рамки. И, ещё, изнутри остров оказался во много раз больше, чем снаружи. Дальние зубцы скал, вообще, терялись в синей дымке.

Где-то далеко справа блеснула водная гладь. Наверное, это тот канал, который опоясывает остров с внешней стороны гор. Слева вдали удалось рассмотреть крыши ещё какой-

то деревни. Потом потянулись поля, кажется, пшеницы, а на дальнем лугу я разглядел пасущихся коров. Обычная деревенская пастораль, если не принимать во внимание, переливающееся салатovým, небо и, разговаривающих без слов, местных жителей.

Пролетка катилась по дороге, пейзаж потихоньку менялся и, наконец, мы приблизились к лесу и въехали под сень вековых сосен. Небо скрылось за густыми кронами, и в полутьме, слушая шуршание колёс по толстому многолетнему ковру опавшей хвои и разноголосицу птиц, провожая глазами высокие купола муравейников и выхватывая взглядом белок, проворно прыгающих с ветки на ветку, я опять почувствовал себя в, ставшей за последние дни привычной, обстановке.

– Что, удивляетесь? – поинтересовался Юка-тайда. – Не укладывается это в ваши представления о мире?

– Не укладывается, – согласился Игорёха.

– Это, потому, что вы слишком узко мыслите.

– Куда уж шире! – возмутился я. – Может, тогда, вы объясните, почему остров снаружи не больше километра в диаметре, оказывается таким огромным изнутри? Как такое возможно?

– Да, – поддержал меня Лёха. – А, ещё светящийся горный хрусталь, туман и вот эти переливы на небе?

– Ульгень ещё не то может, – самодовольно ухмыльнулся Юкка-тайда. – Изменить пространство, заставить светиться камень, или скрыть под облаком целый остров – пустяки.

– А небо?

– А чем вам небо не нравится?

– Такого неба не бывает, – Лёха упрямо нагнул свою голову, словно собрался боднуть старика.

– Почему не бывает? Потому, что вы такого неба не видели? Но, разве вы – это истина, которая не подлежит сомнению?

– Для любого оптического явления должны быть определённые факторы, – вступил в спор Игорёха. – Например, для полярного сияния необходим поток ионизирующего излучения. А, что нужно для такой цветовой гаммы, я, даже, предположить не могу. Не может быть ни в одном уголке Земли такого эффекта.

– А кто сказал, что мы на Земле?

Сказать, что мы удивились, это ничего не сказать. Изумление было оглушающим. Каким-то уголком сознания, ещё способным рассуждать, я понадеялся на розыгрыш и уставился на Юкку-тайда.

– Не хотите же вы сказать, что мы в космосе или на другой планете? – нарушил молчание Лёха. – Остров, ведь, не межпланетный космический корабль и летать не может.

– Он и не летает. Он на одном месте стоит. Это реальность вокруг него меняется.

– Я правильно понял, что мы сейчас в другой реальности? – вкрадчиво поинтересовался Игорёха.

– Да, ответьте! – вставил своё слово я, хоть и слабо понимал, о чём идёт речь.

– Нет, неправильно, – невозмутимо покачал головой Юкка-тайда. Сейчас мы находимся в изначальном месте. Нас нет ни в одной реальности.

– Как-то сложно это, даже, осознать, не то, чтобы поверить, – потёр переносицу Игорян. – Как понять – изначальное место?

– Первая твердь, которую создал Ульгень. Остальные реальности пошли от него, и являются его отражением.

– Начальное измерение? – ахнул Игорян. – Нулевая реальность!

– То есть, это та самая вневременная точка, в которой находится сам артефакт? – уточнил я. – Помнишь, ты мне говорил в «Гамбринусе»?

– Нет. Время тут течёт. Это совсем другое.

– Ты что-то знаешь об этом? – резко повернулся к нему Лёха.

– Не то, чтобы знаю. Я, ведь, не физик. Просто, краем уха слышал некоторые теории о множественности измерений.

– Как это? – не понял я.

– Понимаете, есть теория, согласно которой, наш мир – не единственный. Существует бесконечное множество миров, в которых действуют одни и те же законы, протекают одни и те же процессы. И, даже, мы с вами есть во всех этих мирах. Эти миры, словно лучи, расходятся из одного и, чем дальше они уходят, тем больше изменений в них происходит. История, по сути, это цепочка случайностей. Вот и получается, что, если изначально эти миры были идентичны друг другу, то в процессе развития накапливаются отличия. Например, в каком-то измерении столица нашей Родины не Москва, а, например, Псков. Ведь, действительно, Псков реально претендовал на роль собирателя земель русских и, впоследствии, на роль столицы, но не справился с этой задачей. А в другом измерении – справился. Так же и мы. Помнишь, Славик, как мы дрались школа на школу в восьмом классе, а потом убежали от милицейской облавы?

– Это, когда мы потом половину ночи отсиживались в каком-то подвале, а потом вылезли все в паутине? Помню, конечно.

– А, что, если нас в другой реальности замели, мы познакомились в участке с какими-нибудь уголовниками и покатались по наклонной, превратившись, в результате, в матёрых рецидивистов?

– Эк ты хватил.

– Ну, а что? Реально?

– Может быть.

– Если верить нашему уважаемому Юка-тайда, выходит, что мы сейчас находимся в той самой нулевой, или эталонной, реальности. Только, я не могу понять, как это возможно?

– Я же говорю, что Ульгень может многое. Он сотворил этот мир, так, почему, скажите, он не может им распоряжаться по своему усмотрению?

Лес закончился и дальше дорога пошла через поле, засеянное какой-то культурой с маленькими синими цветками. Я совсем не знаток сельского хозяйства, поэтому просто для себя решил, что это люцерна. Почему это именно она – не знаю. Просто название красивое. Где-то наверху колокольчиком звенел жаворонок, а в траве у дороги стрекотали цикады. Припекало и, если не смотреть вверх, можно было подумать, что едем по полю где-то на Кубани, или на Украине. От однообразия пейзажа стало клонить в сон, и только расшалившийся Буран отогнал дремоту. Он спугнул зайца и с удовольствием принялся гонять его по полю. Похоже, тут ему нравилось.

– Мы сможем вернуться домой? – внезапно спросил Игорёха.

Сразу нахлынуло отчаяние. Это, куда мы попали? Хуже всего то, что непонятно ничего. Ладно, если бы мы оказались бы где-нибудь в Бразилии, или Австралии. Да, хоть, на острове Пасхи, всё равно была бы теоретическая возможность вернуться, если хорошо постараться. Но, из другого измерения как? Такого транспорта ещё не изобрели. Только этот блуждающий остров.

– Вы вернётесь домой, – успокоил нас Юка-тайда. – Не беспокойтесь.

Легко сказать. Тут поневоле начнёшь беспокоиться. И, им, точно, что-то от нас надо. Не стали, бы, они затевать этикие сложные перемещения и реверансы только для того, чтобы показать нам артефакт. Вот, только, как бы цена за подобный просмотр не оказалась слишком высокой. Теперь стали понятны слова Темичи о том, что хранители думают по-другому и их почти невозможно понять. Да и как понять людей, которые разговаривают телепатически и легко прыгают из реальности в реальность?

– Юка-тайда, – решил я задать с вечера мучавший меня вопрос. – То, что вы говорите по алтайски, это понятно. Всё-таки, одна вера, похожие культуры. Но, если вы почти не покидаете свой остров, откуда вы все, тогда, так хорошо говорите по-русски? Специально учили всем островом?

– Нам не надо учить языки. Мы берём слова у из голов собеседников. Всё очень просто.

– Ну, кому-то, может и просто, – проворчал я. – А, как насчёт вашего происхождения?

– Мы – изначальные люди, рождённые самим Ульгеном, а не сделанные из глины и камыша. Когда-то наше предназначение было – вытащить древнего человека из пещер и заставить его развиваться. Наши предки обучили ваших жарить мясо на костре, мастерить луки и копья, оборудовать ловушки на диких зверей. Потом они научили использовать природные материалы для строительства жилищ, подсказали бронзу, дали им колесо, научили письменности и так далее.

– То есть, вы наши благодетели? – усмехнулся Лёха. – Если бы не вы, мы бы до сих пор каменными топорами деревья рубили?

– Вас бы не было.

– Почему?

– В том враждебном мире вы бы не имели шансов на выживание. Человек, как вид, бы погиб уже во время ледникового периода. Что у вас есть? Клыки, когти, чтобы обороняться от хищников? Густая шерсть, чтобы спать на снегу или на оледенелых камнях?

– А у вас?

– У нас были знания.

– А у нас – разум, мышление.

– Что толку от разума, когда нет навыков, знаний и опыта?

– Огонь?

– Огонь научили добывать мы. А от того огня, который они эпизодически находили на пожарищах после молний, толку для выживания было немного. Слишком редко им это удавалось. И слишком часто он у них погасал по недосмотру.

– То есть, вы на своём острове объезжали весь земной шар и обучали первобытного человека премудростям цивилизации? – голос Игорёхи просто сочился скептицизмом, как и у любого профессионального историка, услышавшего подобный бред.

– Нет. Мы тогда жили на земле рядом с человеком. Нас было много. Это потом, когда во всех мирах нас стало очень мало, Ульгень создал этот остров, собрал нас и поселил на нём, чтобы мы не исчезли окончательно. Да и, потребность в постоянной опеке человечества уже отпала. Вы научились учиться, что самое главное.

– Тогда просто бы жили среди нас. Чего скрываться-то?

– Мы – носители древних знаний, до которых вам ещё далеко. И мы – хранители санаа. Были и среди нас те, кто не захотел уединяться и остался в человеческом обществе. Они вошли в вашу историю, как великие люди, учёные, вожди и полководцы. Но, основная масса поселилась здесь.

– Вы говорите так, словно годами жили в нашем мире где-нибудь в Москве или Лондоне и имели доступ к нашей информации, – проговорил Лёха задумчиво. – Откуда такая осведомлённость? Радио слушаете? Или интернет есть?

– Нет. Всё, что происходит на планете, все знания, открытия, мысли и помыслы, всё это тут и остаётся, – Юка-тайда покрутил кистью вокруг головы. – Любая мысль оставляет след.

– Ноосфера, – уточнил Лёха.

– Что это ещё за сфера такая? – не понял я.

– Академик Вернадский ещё в тридцатых, что ли, годах, ввел понятие ноосферы. По его гипотезе земной шар обтекает идеальная мыслящая оболочка, формирование которой связано

с возникновением и развитием человеческого сознания. Параллельно с ним ещё и французские учёные тоже пришли к такому выводу.

– И, что? Ну, есть эта ноосфера вокруг земли. Нам-то, какая польза?

– По-видимому, они умеют к ней подключаться, – предположил Игорёха. – И качать из неё любую информацию.

– Да, – закивал головой старик. – Всё, что хочешь узнать можно.

– А, что, удобно! – оценил я подобный способ добывания знаний. – В библиотеку ходить не надо. В интернете копать. Всё тут, под рукой. Подключился и узнавай, что тебе надо. Свой персональный «Гугл», который знает всё.

– Вот, меня интересует один вопрос, – проговорил я лениво. – Вы себя первыми людьми называете. Так?

– Так, – согласился Юка-тайда.

– Почему, тогда, у вас алтайские имена, верования и традиции? Это, получается, что от алтайцев вся человеческая культура пошла? И первый язык на Земле алтайский был? Как вы думаете, господа историки?

– Это вряд ли, – засмеялся Лёха.

– Всё гораздо проще, – старик ничуть не был смущён моим вопросом. – Ты заметил, что мы между собой общаемся, исключительно, молча, из головы в голову? Поэтому, что у нас своего языка нет, и никогда не было. Не нужен он нам. Как и имена. А всё алтайское у них потому, что наш остров всегда в одном и том же алтайском озере всегда появляется. И с местным населением мы вынуждены в контакт вступать. А, когда общие имена, вера и менталитет, легче взаимодействовать. Как-то так. Да и, привыкли за столько веков.

Мы замолчали, пытаюсь осознать то, что услышали, и, на какое-то время стояла тишина, прерываемая только шуршанием колёс, фырчанием лошади да редким лаем Бурана. Трель жаворонка в небе прервалась внезапно, словно отрезало. А, потом, прямо перед мордой лошади упала растерзанная тушка птички. Лошадь удивлённо остановилась, и тут сверху на неё спикировал и вцепился её в шею когтями беркут. Я с таким как-то в зоопарке фотографировался, поэтому узнал сразу. Удовольствие, кстати, было недешёвым, поэтому и запомнилось. Зато, потом, хвастался перед знакомыми снимком, на котором я, приосанившись, словно заправский беркутчи, удерживал на согнутой в локте руке тяжеленную хищную птицу.

Испуганное, даже паническое ржание, вид лоснящейся от пота пегой лошадиной шкуры, раздираемой в кровь острыми когтями, кривой мощный клюв, терзающий лошадиную шею, нависшее в метре над нами чёрное грозное облако, смешалось в моем сознании, вызывая настоящую мешанину чувств и мыслей. А, потом, лошадь понесла. Понесла, не разбирая дороги, прямо через поле. Мы пытались усидеть, цепляясь за что угодно, а рядом с нами, по обеим сторонам пролетки неслись призрачные размытые тени.

– Возьми поводья! – закричал Юка-тайда, не обращаясь конкретно ни к кому. – Надо лошадь остановить!

Мне тянуться было далеко, поэтому я, даже, не попытался, а, так и остался сидеть, судорожно вцепившись в бортики пролётки. Да и толку от меня, сугубо городского жителя, о лошади знавшего лишь то, что к ней нельзя подходить сзади. Не знаю, насчёт подхода спереди, но я бы тоже не рискнул. Уж, больно крупные у лошади зубы. Ближе всех к старику сидел Адуш, поэтому он потянулся, выхватил поводья из рук Юка-тайда, дождался, когда старик перевернется на середину пролетки, занял его место, стеганул вожжами по беркуту, пытаюсь сбросить его, и натянул их, стараясь остановить лошадь.

Вроде, удалось. То ли беркут отвлёкся, получив вожжами по голове, то ли рвущие губы удила помогли, но наша кобылка стала замедлять бег, пока не остановилась, храпя и роняя розовые от крови хлопья пены. Призрачные тени приблизились и завели вокруг нас хоровод.

Пахнуло ледяным, словно где-то рядом открылась дверь прямо на Северный полюс. Юка-тайда сидел прямо, закрыв глаза и раскинув в стороны руки с ладонями, повёрнутыми к небу. Я соскочил на землю, подбежал к лошади, прислонил ствол карабина прямо к тушке хищной птицы, глянувшей на меня злобным красным глазом, и нажал на спусковой крючок. Выстрелом беркута снесло на землю.

Пернатый хищник утробно заклокотал, несколько раз ударил распластанными крыльями по земле, вздымая пыль, а, потом, словно растаял. Призрачные тени тоже исчезли, как и ледяное дыхание. В наступившей тишине раздавалось только тяжёлое, с хрипом, заполошное дыхание лошади, да тихое поскуливание Бурана, забившегося под пролётку. Юка-тайда, внезапно одряхлевший, с кряхтением поднялся на ноги, подошел к лошади, храпящей от ужаса, мелко дрожащей и испуганно косящейся крупным лиловым глазом, положил руки ей на израненную шею и что-то зашептал. Лошадь перестала дрожать, успокоилась, а, когда старик отнял от её шеи руки, ран, оставленных когтями и клювом, не было.

– Можно ехать, – Юка-тайда тяжело взобрался в пролётку и взялся за поводья.

– Ага, – согласился я и заглянул под днище. – Вылезай, Аника-воин. Всё, опасность миновала.

Буран посмотрел на меня растеряно и недоверчиво рыкнул, не спеша покидать своё убежище.

– Всё, говорю, – как можно дружелюбнее произнёс я. – Тоже мне, защитник нашёлся! Надейся на тебя после этого.

– Не ругай его, – спрыгнул с пролетки Адуш и, потянувшись, взял пса за ошейник и потянул к себе. – Был бы зверь живой, он бы не задумываясь на защиту бы, бросился. Хоть на тигра. Но, против посланцев из царства мёртвых он бессилен.

Буран, наконец, успокоился, мы залезли в пролетку и Юка-тайда тронул вожжи. Попрыгав по ухабам, пролетка, наконец, опять выехала на дорогу, и ехать стало, гораздо комфортнее. Звуки природы начали возвращаться, словно ничего и не случилось. Опять запели цикады, в вышине зазвенел со своей песней новый жаворонок, а, где-то вдали протяжно застонала какая-то птица.

– Ты считаешь, что это были потусторонние сущности, типа тех волков, что на нас напали? – поинтересовался я у Адуша.

– А, кто ещё? Сам видел же!

– Тогда, почему я смог выстрелом из карабина беркута снять? Волков пуля не брала.

– А она и птицу не взяла.

– Но, ведь, его отбросило после моего выстрела!

– Беркута не пуля взяла. Ты же в упор стрелял. Пламенем его сшибло. Все посланцы царства мёртвых огня боятся. Это от них самое верное средство.

– Он прав, – обернулся к нам Юка-тайда. – Огонь пугает потусторонних сущностей.

– Но, откуда они здесь взялись? Я считал, что, раз мы тут, в нулевой реальности, то недоступны ни для кого.

– Это не так.

– Понятия реальностей, или измерений, имеет значение только для нас, – влез в разговор Игорёха. – А для таких сущностей, как духи или демоны, это одна большая реальность, разделённая некими границами. И проходимость этих границ напрямую зависит только от уровня силы сущности. Например, вот эти сами через границу не смогут перейти. Им явно кто-то помог. Кто-то более сильный. Я прав, Юка-тайда?

– Да, ты прав, – кивнул головой старик. – Им помогли.

– Кто?

– Я могу только предполагать. Эркеш-тайда знает больше.

– У меня такое ощущение, что на нас открыта охота, – задумчиво проговорил Лёха.

– Вот, в Главный дом приедем и всё выясним, – старик звонко чмокнул губами и слегка шлёпнул поводьями по лоснящимся бокам лошади, заставляя её бежать быстрее.

По сторонам опять потянулись поля, монотонность дороги убаюкивала и вгоняла в дрему, когда Юка-тайда, вдруг вздрогнул, приподнялся и, приложив руку к глазам козырьком, принялся всматриваться вдаль. Мы тоже забеспокоились, видя встревоженное выражение на лице старика.

– Торопиться надо, – уселся опять он и хлестнул лошадь, заставляя бежать быстрее.

– Что случилось? – всполошился Лёха.

– Беда. Вон, видите?

Мы всмотрелись и увидели там, вдали, тёмное облако, воронкой закручивающееся над чем-то, находящимся на земле.

– Что это означает? – выкрикнул я, удерживаясь рукой о бортик, чтобы не вылететь на полном ходу.

– Враг. Прорвался к нам. Я уже думал, что ушли.

– Что за враг? – почти выкрикнул Игорян и ойкнул, прикусив язык на большом ухабе, хорошо подбросившем пролетку. – Что тут у вас происходит?

– Потом! Всё потом!

Пролётка летела через поле, сопровождаемая бегущим следом Бураном, и облако быстро приближалось. Уже можно было рассмотреть прямо, под вытянутой к низу частью, большой двухэтажный дом с красной черепичной крышей, огороженный таким же, как и в той деревне, где мы ночевали, невысоким штакетником. Только хозяйственных построек во дворе не было. Одни цветочные клумбы, да небольшой сад. А, под единственным длинным навесом, обеспокоенно бились на привязи шесть лошадей, запряженных в такие же, как у нас, пролетки.

Вблизи облако выглядело довольно страшно. В полной тишине оно закручивалось спиралью, временами, то распадаясь на отдельные струи, то опять собираясь в огромный монолит, по стенкам которого то и дело пробегали искры. В голове загудело, словно там поселился рой рассерженных шмелей. Юка-тайда быстро привязал лошадь под навесом и увлёк нас в дом. Мы взбежали на высокое крыльцо и вошли внутрь, сразу попав в большую комнату, в середине которой кругом стояли шесть таких же стариков в белых хламидах, как и наш провожатый, который тут же присоединился к своим товарищам. Буран, воспользовавшись тем, что о нём забыли, тоже юркнул следом и сразу прижался к ногам Адуша. Мы в нерешительности остановились у дверей, наблюдая, как все семеро с полуприкрытыми глазами стояли с повёрнутыми вверх ладонями, удерживаемыми у груди, образуя идеальный круг.

В углу оглушительно треснуло, брёвна разошлись, образовав щель шириной с ладонь, в которую ворвался солнечный свет с улицы. Что-то прозрачное скользнуло в комнату, но, почти, тут же, застыло, поднялось почти под самый потолок, заверещало и растворилось в воздухе. Буран завыл от ужаса. Стены ходили ходуном и ощутимо выгибались, словно испытывали на себе огромное давление. Да, наверное, так оно и было. Над головами громко хлопнуло, словно петарда разорвалась, на нас посыпался мусор, а по потолку поползла, извиваясь, трещина. Достигнув противоположной стены, она остановилась, потом, вдруг, превратилась в змею, отлепилась от потолка и стала падать, но, не долетев, сантиметров двадцать, до пола, скомкалась, словно лист бумаги, и пропала.

За окнами замелькали размытые силуэты, а в ближайшее к нам, вдруг, ткнулось что-то свирепое, мохнатое и клыкастое. Мы отшатнулись и вскинули рефлекторно карабины, хоть и понимали, что стрелять бесполезно. Что там говорил Адуш про заговорённые камом пули? Пару обойм таких нам бы не помешало. Надо у Старейшин хранителей поинтересоваться. Может, найдётся что-то у них? Буран зарычал, обнажив свои клыки, и мне, на секунду, показалось, что он сейчас бросится вперёд. Не бросился.

– Что-то мы не ко времени, – пробурчал Лёха, отслеживая стволом движение клыкастой твари за окном.

– Да уж, – поддержал его я. – Негостеприимные места. Интересно, у них всегда так весело?

– Сдаётся мне, что именно это веселье и послужило поводом для нашей встречи с хранителями, – предположил Игорёха. – Не верю я в их бескорыстие. Им что-то от нас надо.

– Что? – удивился я. – Ты сам видел, что против потусторонних сил даже Адуш справляется лучше нас. А хранители и подавно. Чем мы им в этом помочь сможем?

– Мир вам, – раздалось откуда-то сбоку.

Мы вздрогнули, почти одновременно перевели стволы на голос и увидели старика, уж, очень почтенного возраста, одетого в серую хламиду с серебристой оторочкой по рукавам и воротнику. Странно, что сразу его не увидели, хотя, от этих хранителей можно ожидать чего угодно. Да и обстановка тут сейчас уж очень напряжённая.

– Здравствуйтесь, – первым пришёл в себя Лёха.

– Я – Эркеш-тайда. Вы ко мне ехали. Момент не слишком удачный, поэтому тратить время на пустые разговоры не будем. Идите за мной.

Он провёл рукой по стене, и там образовался проём, слегка прикрытый туманной дымкой. Видали мы уже всякое в последнее время, но от возгласа удивления удержаться не смогли. Следом за старейшиной, прошли через боковую дверь в небольшое помещение, где стояли простые лавки и небольшое бюро для письма. Я, такое, только, в кино и видел. Кажется, в девятнадцатом веке за ними писали. Тот же Лев Толстой. Дальняя стена слегка колыхалась, словно полупрозрачная кисея, а за ней просматривалось что-то большое и массивное. Эркеш-тайда быстрым жестом указал на лавку и сам уселся напротив. Треск, завывание и звон лопнувшего стекла пропали, оставив только звуки наших шагов, сопение Бурана и хриплое дыхание Эркеш-тайда. Даже гудение в голове стихло, словно его не было.

– Присаживайтесь.

– А, ничего, что там сейчас неизвестно что творится? – кивнул головой в сторону проёма Лёха.

– Там, сейчас, ничего не творится. Мы в безвременье, и выйдем отсюда ровно в то мгновение, в которое сюда входили. Пока ещё, мои помощники держат натиск, а поговорить надо.

– Нулевая точка? – ахнул Игорёха.

– Можно и так сказать.

– И здесь есть санаа?

– Да. Подлинный санаа именно здесь. Остальные – всего лишь отражения.

– Мы так и думали.

– Что там происходит? – указал я рукой на стену.

– Это Караш был.

– Но, почему Караш? – судя по всему, Лёха в теме, хотя, мне это имя ничего не говорило.

– Проверяет наши силы. Скорее всего, по заданию Эрлика. По дороге сюда и на вас напали. Ведь, так?

– Да. Тоже Караш?

– Нет. На вас он духов наслал из нижнего мира.

Что-то, я вообще перестал что-либо соображать. Судя по ошарашенным лицам моих друзей, они тоже мало, что понимали, хотя, похоже, им, хоть, имена называемые были знакомы.

– Что за Караш и Эрлик? – наконец, спросил я.

– Скажем, так, серьёзные товарищи, – пояснил Лёха. – Никогда не думал, что вот так столкнусь с их проявлениями.

– Ты толково можешь объяснить, кто это такие?

– Эрлик – в тюрской и монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых и по силе равен Ульгеню, – поспешил пояснить Игорёха. – По крайней мере, принимает не менее активное участие в творении мира, чем Ульгень. В шаманских призывах к Эрлику обращаются как к отцу «адам Эрлик». От Эрлика люди получают бесценный дар – искусство проникновения в другие миры. Первый кам принял свой дар и бубен от Эрлика. А Караш – сын и посланник Эрлик-бия, который живёт на пятом слое подземного мира в чугунном дворце, спит на постели из черного бобра, ездит на темном-мухортом коне или на черных чугунных санях. У него плеть из черной змеи, а повод из живой змеи. Величиной Караш в сосну, у него кровавые глаза, на голове он носит черную шапку-калбан. И, кстати, его посланником является черный ворон. Помнишь ворона? – Это, когда мы ехали к Мансыру? Помню. Неужели ты думаешь...

– Именно.

– Но, это бред! Мифологический персонаж, сын бога подземного мира посредством ворона за нами приглядывал?

– Если бы не события последних дней, я бы тоже подумал, что это бред. Но, похоже, не такие уж они мифологические. Всё сходится. С помощью ворона нас вели до Мансыра, а потом, посредством волков – посланцев царства мёртвых, пытались не допустить до Темичи.

– Всё правильно. Эрлик, хоть и знал о твоём предназначении и попытался помешать, но, особо, не принимал всерьёз. Сейчас, всё по-другому будет.

– Каком предназначении? – происходящее мне совсем не нравилось.

Об этом мне ещё Темичи говорил, но я, тогда, не придал этому значения. А, сейчас, слова старейшины заставили меня насторожиться.

В комнате опять повисла тишина. Старейшина не спешил, давая мне возможность перевести дух.

– Для начала, я хочу извиниться за то, что сдёрнул вас со своих мест и вынудил ехать в наши края, наконец, опять заговорил он.

– Мы ехали сами, – резко возразил Игорёха. – И, с, вполне конкретной, целью.

– Я знаю, – мягко улыбнулся Эркеш-тайда. – Вы ехали сюда, чтобы увидеть санаа.

– Да.

– Жизнь человека, словно дорога, на которой множество перекрёстков и развилок. Порой, незначительный поворот может очень многое изменить в будущем.

– К чему вы это? – прищурился Игорян.

– Порой, достаточно человека слегка подтолкнуть. Совсем чуть-чуть, незаметно. А дальше он сам сделает остальное.

– Не люблю, когда мной пытаются манипулировать.

– А это не манипуляция. Санаа действительно представляет собой уникальную вещь. И ваш интерес к нему профессионален и вполне оправдан. И, уверяю вас, вы не разочаруетесь. Но, если бы мы не нуждались в вас, а, точнее, в вашем друге Вячеславе, то вы никогда бы о нём не услышали.

– И, что вам от нас надо?

– Вот, об этом я и хочу с вами поговорить.

Я пристально посмотрел на Эркеш-тайда. Двадцать первый век. Много, о чём мечтало человечество, свершилось. Мы разговариваем друг с другом без проводов на огромном расстоянии. Пересекаем немислимые пространства на самолётах за несколько часов, планируем колонизировать Марс. Да, мало ли ещё того, чего добился человек? Но, попасть в нулевое время, или в эталонную реальность? Такого человек даже в мечтах не мог себе представить. А тут, если старейшина не врёт, всё свершается взмахом руки. Люди ли они на самом деле? Эркеш-тайда посмотрел на меня и покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.